

Мадам будет в красном

Автор:

Людмила Мартова

Мадам будет в красном

Людмила Мартова

Желание женщины

Популярная картинная галерея «Красный угол» готовилась к открытию выставки, когда случилось то, чего не ожидал никто... Злодей оказался истинным эстетом и не просто убил пожилого владельца галереи Михаила Бабурского, но и создал из его тела жуткую инсталляцию. Вскоре погибла вдова Михаила, а потом галерейный фотограф. Все сотрудники были в ужасе, и только Анна могла чувствовать себя в безопасности, ведь у нее завязался роман с капитаном Зубовым, расследующим чудовищные убийства. Но поможет ли ей это?

Людмила Мартова

Мадам будет в красном

Серия «Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой»

© Мартова Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Мы с тобой одной крови: ты и я.

Редьярд Киплинг «Книга джунглей»

* * *

Сколько я себя помню, нас всегда было двое. Говорят, ребенок может вспомнить все, что с ним происходило, лет с трех, не раньше. Не знаю, так ли это. Мне кажется, мои воспоминания о детстве тянутся гораздо дальше, и иногда в памяти всплывают смутные образы из того времени, когда мне было полтора-два года. Точнее, нам, поскольку я не помню случая, чтобы я бывала одна. Только вдвоем. Та, третья, пытавшаяся прокрасться в наш уютный внутренний мирок, в котором нам было так хорошо, всегда была лишней. Воспринималась инородным телом, досадной помехой, от которой постоянно хотелось избавиться. Мы и избавились, как только представилась такая возможность. Мы очень разные и совсем непохожи и все-таки связаны в единое целое чем-то более крепким, чем общая пуповина. Я не знаю названия тому, что нас объединяет, но уверена – мы будем вдвоем всегда.

Глава 1

Если тебя зовут Липой, то не стоит ждать от жизни слишком многого. Что она будет подкидывать с лихвой, так это липовых друзей, липовую любовь, липовое благополучие... По крайней мере, в последнее время Олимпиада Сергеевна Бердникова оценивала свою жизнь именно так. Тридцать восемь лет, уже не девочка. Говорят, неплохой врач. Говорят, эффектная женщина. Говорят... Да много чего говорят, вот только ей от этого не легче.

Она очень рано поняла, что все ее проблемы связаны с детством, уходят туда корнями, крепкими, витыми, перекрученными в тугие узлы, распутать которые

не под силу самому успешному психиатру. Даже у знаменитого профессора Лагранжа, обожаемого Липой учителя и наставника, не получилось развязать их все. Она физически ощущала эти узелочки, узелки, узлы в своей душе, чувствовала причиняемую ими тянущую боль и отчетливо понимала: это они мешают ей стать счастливой.

Для Олимпиады Бердниковой с юности не было ничего более притягательного, чем человеческие души, в темных закоулках которых прятались сонмища страшных чудищ. В борьбе с ними можно было найти ответы на многие мучающие ее вопросы. В случае победы, разумеется. Она со школьной скамьи хотела стать психиатром, и вопроса, куда поступать, даже не возникло: только в медицинский. Ей нужно было найти ответы, только и всего. Нужно было победить чудовищ. Что ж, приходится признать, на этом пути продвинулась она не сильно.

Липа вздохнула, встала из-за стола и подошла к окну. За окном была унылая холодная белизна декабрьского больничного двора. Впрочем, этот двор выглядел унылым в любое время года. А еще отчего-то, входя в узорчатые железные ворота, отделяющие областную психиатрическую больницу от остального мира, Липа всегда ощущала стойкий запах карболки, которую в медицине не использовали уже лет двадцать. В такие вот игры разума ввергало ее собственное подсознание. Больное подсознание положила руку на сердце. Ведь психиатры – психически не самые здоровые люди на Земле. А может быть, и самые нездоровые. Это смотря с какой стороны посмотреть.

Некстати вспомнилось знаменитое изречение на латыни «*Medice, cura te ipsum*» – «Врач, исцели себя сам», и Липа снова вздохнула. Куда уж ей, если самому Лагранжу оказалось не под силу исцелить ее полностью. Он не победил ее внутренних чудовищ, нет, просто заставил их на время испугаться и притихнуть.

Надо бы сходить к старику. Липа любила общаться со своим учителем, чьи советы ценила не только на профессиональном поприще, но и в частной жизни. Однако в возрасте восьмидесяти трех лет Лагранж ушел на пенсию, и Липа лишилась возможности просто так, по-дружески, забегать к нему в соседнее отделение судебной психиатрии. Конечно, Франц Яковлевич всегда был рад гостям, тем более Липа Бердникова ходила у него в любимицах еще с тех пор, как пришла в психиатрическую больницу интерном, но выбираться к старику часто у нее все-таки не получалось.

Липа напряглась и вспомнила: да, так и есть, в последний раз она навещала старика в октябре, а сейчас уже декабрь. Теперь понятно, отчего ей так неуютно в последние дни. Без внимательно-строгого, но доброго взгляда профессора ее чудовища поднимали голову и норовили выползти из своего укрытия, а самой Липе было не под силу загнать их обратно. Н-да, приходится признать, что ученик не превзошел своего учителя. Тут Липа мимолетно улыбнулась – человек, способный превзойти профессора Лагранжа, еще не родился.

От воспоминаний о Лагранже настроение немного улучшилось и, бросив последний взгляд за окно, на серый снег, едва-едва прикрывавший проплешины грязного асфальта (начало зимы в этом году выдалось на удивление бесснежным), она вернулась за письменный стол, где ждали истории болезней. Документы необходимо заполнить после утреннего обхода.

Однако поработать Липе так и не удалось. Скрипнула входная дверь, и в кабинет ворвался вихрь, именуемый Станиславом Крушельницким. После выхода Лагранжа на пенсию именно он возглавил отделение судебной психиатрии. Злые языки поговаривали, что Крушельницкий «подсидел» старого профессора, вовсе не собиравшегося на заслуженный отдых, но Липа знала – это не так. Себе в преемники Франц Яковлевич готовил Стаса осознанно и загодя, а заявление об уходе подал, только убедившись, что к важной и ответственной работе Крушельницкий готов.

– Пообедаешь сегодня со мной? – спросил Стас, присаживаясь на край стола, и Липа снова вздохнула. Привычку сидеть на столе она ненавидела, равно как и любые другие проявления разгильдяйства и распущенности.

Впрочем, вздох ее был связан даже не с развязностью коллеги, а с самим приглашением на обед. Крушельницкий ухаживал за ней прямолинейно и целенаправленно уже несколько лет, но Липа, обжегшаяся однажды, как огня боялась новых близких отношений. Привычный образ жизни убежденной одиночки давал чувство безопасности, однако с годами этот защитный «панцирь» намертво прирос к ней. Ей не нужна была новая боль, обязательно идущая в комплекте с любым мужчиной. А раз так, то и мужчины были не нужны. Без них жизнь казалась чуточку проще.

Но Стас оказался весьма настойчив, и в последнее время Олимпиада Бердникова стала опасаться за крепость своих бастионов. Крушельницкий не выглядел мерзавцем, вот в чем было дело. Да и за все годы совместной работы в больнице

Липа не слышала ни об одной его любовной истории. Сердце ни одной медсестры не пострадало, несмотря на то что медсестры страсть как любили разбивать себе сердца и делали это по нескольку раз в год.

Сначала Стас Крушельницкий был женат и не позволял себе даже случайного проявления интереса к другим женщинам. А потом развелся и стал оказывать знаки внимания ей, Липе. Причем делал это так элегантно и ненавязчиво, что устоять было трудно, хотя Липа пока и держалась.

– Так как, на обед съездим? – Голос Стаса выдернул Липу из ее мыслей, и она покаянно улыбнулась: извини, мол, замечталась.

– Нет, сегодня не получится, – тряхнула головой, отбрасывая все ненужное. – Я в ночь дежурю. А в обед хотела до мамы доехать, посмотреть, не нужно ли чего.

– Давай отвезу, – предложил Крушельницкий, знавший, что летом мать Липы перенесла инсульт и теперь при поддержке дочери выкарабкивалась из болезни, не теряя ни мужества, ни позитивного настроения. Эти женщины – мать и дочь – вообще умели бороться и сражаться, и он много бы дал, чтобы иметь возможность им хоть немного помочь.

– Я на машине сегодня, – Липа скупно улыбнулась, смягчая очередной отказ, – два дня, как из ремонта. Надеюсь, еще пару недель побегает.

Машина у нее была старая и все время ломалась, но к этому, как и к любым другим внешним обстоятельствам, Олимпиада Бердникова относилась философски. В поломке машины, протекающей крыше, сильной грозе, метели или лютом морозе не крылось ничего, способного ввергнуть ее в душевное смятение. Все это не имело значения. А неважное от действительно важного она научилась отличать еще в детстве.

– Как Мария Ивановна? – Стас считался «другом дома», часто бывал у Липы и маму ее знал. Более того, прекрасно с ней ладил.

Мама не раз и не два намекала дочери: какой хороший человек этот высоченный симпатяга-доктор, грех держать такого просто в друзьях, но Липа была тверда аки камень. Дружить со Стасом Крушельницким ей нравилось, любые изменения в отношениях были чреватые ухудшением сложившегося статус-кво, а

ничего ухудшать Липе не хотелось.

– Нормально. – Она сняла очки и аккуратно, чтобы не размазать тушь, потерла пальцами веки. – Метеочувствительность у нее сильная. В одни дни хуже, в другие лучше. Бывает, совсем хорошо, а бывает, речь с утра затруднена, и нога не слушается. Да ты и сам все знаешь.

– Можно попроситься в субботу на беляши? – Стас предпринял еще одну попытку, поскольку парнем был упорным. – Липа! Я так соскучился по вашим фирменным «бердниковским» беляшам. Аж сил нет!

– До субботы еще дожить надо, – сообщила Липа, оценившая его настойчивость. – У меня на этой неделе два дежурства, и в субботу я бы лучше отлежалась, чем у плиты стоять.

– Давай я за тебя одно отдежурю, – тут же с готовностью предложил Стас.

Липа лишь усмехнулась в ответ. Он действительно иногда подменял ее с дежурствами, особенно несколько месяцев назад, когда маме было совсем худо, но нельзя же пользоваться его добротой бесконечно. Рано или поздно, за помощь придется платить. А платить она не готова, нет.

– Ой, Стас! – вдруг вспомнила она. – В субботу точно не получится. У Аньки в галерее какая-то умопомрачительная выставка открывается. Надо сходить.

– Неужели «Ее Высочество снизошли», и ты тоже приглашена на выставку? – Стас неприкрыто изумился, поскольку знал обо всех сложностях во взаимоотношениях Липы и ее младшей, да к тому же еще и сводной, сестры.

Впрочем, сложности – это не вполне верное определение, скорее непреодолимые разногласия. Причем, как понимал Крушельницкий, с самого детства. И чего Олимпиаде вдруг понадобилось на этой самой выставке?

– Ты же знаешь... Нет, не приглашена. – Липа снова скупой усмехнулась, надела очки и решительно пододвинула к себе стопку историй болезни, давая понять, что разговор закончен. – Она никогда меня никуда не зовет и вообще заставляет себя сделать усилие, чтобы просто признать мое существование. Но я хочу туда

сходить. Все равно, пусть в очередной раз испорчу себе настроение. Мне надо ее увидеть, что-то мне неспокойно.

– Я вообще не помню, когда тебе было спокойно. – Стас нахмурился и слез со стола, решив больше не терзать Липу своим присутствием. – Ладно, забудь! Беяши в какой-нибудь другой раз. Хочешь, я с тобой на эту дурацкую выставку схожу?

Тут Липа улыбнулась искренне и широко. Предложение ее действительно обрадовало: приятно – друг в очередной раз протягивает руку помощи.

– Конечно! – воскликнула она. – Это было бы просто здорово! И спасибо тебе...

* * *

Анна Бердникова забросила капсулу в кофемашину, щелкнула кнопкой и скользнула взглядом по собственному отражению в зеркальной дверце холодильника. Анна была красива и знала это. Холодильник не показал ничего нового. Невысокая худощавая фигура, изящное, тонкой лепки лицо, живая мимика, выразительные темные глаза, не очень густые, но умело подстриженные волосы. Короткая, «под мальчика», асимметричная стрижка очень шла ей, делая лицо еще прелестнее. Анна с детства признавала только короткие стрижки, в отличие от сестры, предпочитавшей обычный «конский» хвост.

Вспомнив о сестре, она едва заметно скривилась, между бровями появилась неглубокая морщинка и тут же исчезла, изгнанная усилием воли. Не хватало еще хмуриться, так и до настоящих морщин недалеко. Тем более из – за сестры, которую все равно не переделать.

Кофемашина интеллигентно звякнула, сообщая о готовности первой порции. Анна достала чашечку – белую, из тонкого фарфора – она любила окружать себя красивыми, а главное, элегантными вещами. Налила кофе, полюбовалась чудной, крепкой, именно такой, как нужно, пенкой, сделала аккуратный глоточек и зажмурилась от удовольствия. Так, каковы планы на день?

Сегодня в галерее, где она работает куратором, открывается новая выставка. Вернее, вернисаж для широкой публики назначен на субботу, но именно сегодня, в четверг назначены приемка выставки высокой комиссией из областного Департамента культуры и пресс-показ. Это было ее собственным ноу-хау – показывать все нужным людям чуточку заранее, чтобы создать у них чувство собственной исключительности и еще до официального открытия обеспечить позитивные отклики, подогревая тем самым интерес публики. Анна знала, что выставку ждет фурор, предвкушала его и смаковала свое предвкушение маленькими глоточками, как очень холодное и очень сухое шампанское. Нельзя не признать, ее вклад в успех сегодняшнего события просто неоценим.

Галерея была маленькая, существовала на частные пожертвования. Точнее, практически полностью финансировалась одним человеком – Михаилом Валентиновичем Бабурским, когда-то одним из последних «красных директоров», сумевшим в годы перестройки быстро и без шума приватизировать государственное предприятие, а позже вовремя и задорого его продать.

Бывший директор и бизнесмен на старости лет заделался меценатом и благотворителем. Купил старинный особнячок в центре города, практически на набережной Волги, отремонтировал его и открыл картинную галерею, специализирующуюся на современном искусстве. В искусстве владелец галереи ничего не смыслил, а потому, оставив за собой лишь финансовую сторону дела, все художественное руководство отдал на откуп своей жене Ольге Аполлинарьевне. Будучи на пятнадцать лет моложе седого благообразного супруга, Ольга Аполлинарьевна новому детищу отдалась со всем пылом нерастроченной страсти. И дела у галереи пошли хорошо.

Работалось там Анне Бердниковой тоже хорошо – спокойно и легко. Сотрудником она была исполнительным, в споры с Ольгой Аполлинарьевной никогда не вступала. Да это было и невозможно, потому что характером старуха обладала «золотым» и никогда не склочничала. Впрочем, Бабурской было всего шестьдесят пять, и на «старуху» она никак не тянула. А вот восьмидесятилетний Михаил Валентинович в последнее время сильно сдал – возникли проблемы с сердцем, ходил он с большим трудом, быстро начинал задыхаться и в последнее время практически не покидал стен родного дома.

Анна отпила еще глоточек кофе, вспомнила «прежнего» Бабурского – статного крепкого мужчину, и представила Бабурского «сегодняшнего» – больного,

совершенного седого и с блуждающим взглядом. М-да, печальное зрелище. Допила кофе, быстро ополоснула чашку – она не терпела неаккуратности, и пошла одеваться. Предпоказ привлечет много народу, придется быть на виду, а значит, нужно соответствовать.

В спальне толкнула дверцу шкафа и с удовлетворением осмотрела ровные ряды вешалок с одеждой. Работа в галерее не только была интересной и спокойной, но и неплохо оплачивалась. Бабурские не имели детей, а потому не видели смысла в приумножении и сохранении своего немалого состояния. На свои удовольствия деньги они тратили легко, а галерея была именно удовольствием, тонким и изысканным. Анна Бердникова обеспечивала высокий класс этому самому удовольствию, ибо обладала отменным вкусом, позволяющим находить уникальных авторов и подбирать удивительные по композиции работы. Галерея пользовалась популярностью и была на слуху у ценителей живописи, а Анна получала вполне заслуженное вознаграждение.

К тому же ее собственные работы тоже неплохо продавались. Анна рисовала, сколько себя помнила, и картины ее – яркие, сочные ягодно-фруктовые композиции, казалось, искрились вкусами и ароматами, не хуже радужных конфеток «Скиттлз». Натюрморты пользовались спросом, особенно среди владельцев загородных домов, желавших украсить интерьер понятными и приятными глазу картинами.

Такое примитивное восприятие ее творений Анну немного удручало, но зато приносило стабильный доход, позволяющий жить той жизнью, к которой она привыкла. У нее была очень современная светлая двухкомнатная квартира с дивными французскими окнами в самом престижном микрорайоне, носившем сказочное название «Изумрудный город». А еще небольшая, но быстрая и надежная японская машинка, огромный гардероб, полный дорогой стильной одежды на любой случай – наряды Анна обожала, а главное, возможность ездить по лучшим мировым картинным галереям и бродить там по залам в полном одиночестве, впитывая всю силу шедевров мирового искусства.

Она могла позволить себе изысканную еду и дорогой кофе, любые современные гаджеты и свозимые со всего света альбомы по искусству: дорогие, на тяжелой шелковистой бумаге, страницы которых были проложены тонкими листами папиросной бумаги, приятно шелестевшей на пальцах. В свободное от работы и рисования время Анна уединялась с этими альбомами и, задумчиво рассматривая иллюстрации, чувствовала, как ее душа наполняется покоем, а

сердце внутренней силой.

Одиночество не тяготило ее. Анна Бердникова всегда была одиночкой, с самого детства, и даже сестра не могла пробить возведенную ею вокруг себя стену, хотя пыталась. Сестра всегда была бунтаркой.

Анна снова нахмурилась, как бывало всегда, когда она вспоминала сестру, но тут же прогнала неприятный образ. Она умела сосредотачиваться на самом главном, выбрасывая из головы все второстепенное, а сегодня главным была новая выставка и тот эффект, который она обязательно произведет. Эффект разорвавшейся бомбы.

Она вспомнила несколько месяцев труда, предшествовавшие сегодняшнему дню, и легкая улыбка тронула ее пухлые, чувственные губы. Да, вся подготовительная работа проделана просто виртуозно, этого нельзя отрицать. Венцом выставки станут не развешенные по стенам картины, а скульптуры, точнее, скульптурные композиции, поджидающие зрителя в каждом зале. Это будет даже не выставка, а полноценный перформанс, доселе невиданный в их провинциальной глубинке и подготовленный с истинным размахом.

Как бы ни восприняла этот перформанс публика, с сегодняшнего дня галерея выйдет на совершенно другой уровень. Уходящего прошлого Анне стало жаль, но только на мгновение. Прогоняя наваждение, она тряхнула головой, сбросила шелковый пеньюар, прохладной пеной послушно улегшийся у ее ног, и шагнула вправо, чтобы зеркальная дверца на мгновение отразила ее – изящную, пышногрудую, с тонкой талией красотку, в изысканном дорогом белье из натуральных кружев. Затем вернулась обратно к вешалкам, протянула руку и, не глядя, вытащила узкую юбку из черной лайки и красную атласную блузку. Ворот блузки был оторочен мехом, а глубокий вырез сзади оставлял открытой спину с выступающей цепочкой позвонков, ровную и беззащитную.

Пусть и мимолетный, взгляд в зеркало на свое полуобнаженное тело вдруг вызвал мощный заряд желания. Оно оказалось таким внезапным – Анна даже пошатнулась, застонав сквозь зубы. Господи, когда она в последний раз была с мужчиной? Она постучала по ровным зубкам розовым пальчиком с аккуратным маникюром. Так, так, так. С Гришей они расстались два месяца назад, а до этого еще примерно месяц Анна всячески избегала близости с ним, потому что желания у нее не было вовсе. И вот оно вернулось, внезапно, не вовремя, нанеся удар исподтишка. Ну, надо же! А она уж было решила, что тяга к физической

близости пропала навсегда.

Она вдруг почувствовала, как становится сверхчувствительной грудь, затянута в кружевное неглиже, как набухает в самом низу живота точка сосредоточия ее женственности, и снова застонала. Черт! Ну почему, почему? Почему она живет одна?

Воображение рисовало сладкие картины. Вот в комнату входит мужчина, обнимает ее сзади, прижимает к себе, охватывает ее грудь, мнет руками, засовывает большие пальцы под ткань, прикасаясь к соскам, чуть щиплет, причиняя сладкую боль. Желание стало невыносимым, и она тряхнула головой, отгоняя наваждение. Некому зайти в ее комнату, а раз так, то и думать об этом не надо. Интересно, с чего это она так распалилась?

Несколько раз глубоко вздохнув, Анна усилием воли взяла себя в руки и начала одеваться. Сегодня у нее ответственный день, а все удовольствия, в том числе и эротического толка, могут подождать.

* * *

Зубов критически осмотрел заваленный бумагами стол и тяжело вздохнул. Нет, сегодня все-таки надо выполнить данное самому себе обещание и разобрать накопившиеся завалы, пока день не подкинул ничего срочного. Подобный штиль в их работе случался нечасто, поэтому драгоценными минутами свободного времени нужно было воспользоваться рационально, пока воздвигнутая из отработанных документов гора Кяпаз не обрушилась, преградив свободное течение реки Ахсу.

Гора Кяпаз и река Ахсу? Откуда это в его голове? Зубов даже удивился, поскольку смутно помнил лишь то, что все эти географические объекты имеют отношение к Азербайджану. Еще в голове крутились название города Гянджа и озера Гейгель, но все вместе это казалось полной бессмыслицей. Где капитан полиции Алексей Зубов и где Азербайджан?

Он покосился на соседние столы, девственно-чистые и пустые, и снова вздохнул. Как-то его соратникам и старшим товарищам – операм Никите Чарушину и Сергею Лаврову удавалось поддерживать рабочие места в порядке. А вот у него

вообще не получалось, за что от начальника управления подполковника Бунина Алексей получал регулярные «пистоны» и прочие служебные взыскания. Нет, надо прибраться, в самом деле, а то правда все рухнет, да еще в самый неподходящий момент.

Зубов взял из стопки верхнюю папку, открыл и невольно погрузился в чтение, хотя все материалы знал наизусть – до буковки, до запятой. Дело это закрыли очень быстро, и даже суд по нему уже состоялся, поскольку преступник от признания своей вины не отказывался, хотя и не помнил, как именно совершил убийство. Да не простое, а с «расчлененкой»!

Зубов перелистал страницы и в очередной раз поразился причудливости человеческой психики. Ведь не сотворишь же такое в здравом уме и твердой памяти! Но нет, судебной психиатрической экспертизой гражданин Шубейкин Константин Игоревич был признан полностью вменяемым, хотя и совершившим убийство под воздействием большой дозы алкоголя.

То ли от того, что делать уборку смертельно не хотелось, то ли по какой другой причине, но Зубов погрузился в воспоминания. Когда же это случилось? М-м-м... Точно, пять месяцев назад. Во второй отдел полиции обратился этот самый Шубейкин. Выглядел искренне взволнованным и заявил о пропаже возлюбленной.

По словам мужика, он работал на Севере вахтовым методом и познакомился там с женщиной, которая оказалась уроженкой его родного города, тоже приехавшей в далекие края «за длинным рублем». Звали ее Катя Стрижова, и случилась с ней у гражданина Шубейкина сильная и страстная любовь, на почве которой он даже возжелал на гражданке Стрижовой жениться. Но та вступить в брак категорически отказалась и лишь помахала любовнику на прощание белым платочком, когда срок его вахты закончился, и он засобирился домой.

Отчего-то забыть свою пассию Шубейкин никак не мог, а потому сильно обрадовался, когда, спустя месяц, она позвонила и сказала, что ей нужно ненадолго по делам приехать в родной город.

– Она спросила, можно ли остановиться у меня, – рассказывал Шубейкин. – Я, конечно, не возражал. Надеялся, уговорю остаться у меня насовсем. Запала мне в душу, зараза! Сильно запала. В общем, приехала она. Я ее в аэропорту

встретил, на такси к себе привез. Пообедали мы, значит. А днем она собралась по делу. Ну, по тому, по которому приехала. Я ей такси вызвал, и больше она не вернулась.

К показаниям и волнению Шубейкина в полиции отнеслись скептически. Девушкой Стрижова была вполне взрослой и самостоятельной, имела в родном городе знакомых. Могла просто утратить интерес к назойливому ухажеру и уйти, так сказать, по-английски, то есть не прощаясь. В пользу этой версии говорило и то, что Стрижова продолжала пользоваться мобильным телефоном. Для очистки совести Зубов склонил к маленькому должностному преступлению знакомую сотрудницу сотовой компании, которая подтвердила: гражданка Стрижова регулярно совершает звонки из разных районов города нескольким абонентам.

В общем, искать дамочку никто не стал. А недели через две на окраине города обнаружилась обглоданная то ли собаками, то ли лисами, которых в лесополосе развелось немало, женская голова. Состояние головы было таково, что идентифицировать личность не представлялось возможным, но никаких других «потеряшек», кроме Екатерины Стрижовой, в базе не числилось, а потому с гражданином Шубейкиным решили встретиться еще раз. Нехорошие он начал вызывать подозрения.

Поведение Константина Игоревича полицейским, в том числе и Зубову, сильно не понравилось. Глаза у мужика бегали, руки тряслись, и вообще выглядел он подозрительно. Поэтому его квартиру на всякий случай обыскали. Пока шел обыск, дотошный оперативник обзвонил все таксопарки и выяснил: никакого такси в указанное Шубейкиным время на данный адрес не присылали. Затем между кафельными плитками в ванной обнаружили замытые следы крови, а на балконе (хозяйственный гражданин Шубейкин жил на первом этаже и превратил балкон в мини-подвал) свежезалитый бетонный пол, вскрыв который, сыщики обнаружили тело женщины лет тридцати – тридцати пяти, лишенное головы. Гражданин Шубейкин, увидев труп, разрыдался и поведал свою печальную историю.

Накануне приезда подружки Константин Игоревич выпил лишнего – сильно волновался перед решающим разговором, все-таки предложение руки и сердца собирался делать. Затем за обедом он, обычно непьющий, подливал себе для храбрости еще и еще, а потом неожиданно уснул. А когда проснулся, Катерину прямо-таки не узнал: обычно ласковая и мягкая, она явно нарывалась на ссору, грубила, а услышав заветные слова, подняла беднягу на смех и начала

оскорблять. Словом, душевного порыва не оценила, и дело дошло до драки. Кто кого ударил первым, Шубейкин не помнил. Помнил лишь, как снова уснул, а когда проснулся, Катерины в комнате не было. Предположив, что несостоявшаяся невеста собрала вещи и уехала, Константин решил умыться, чтобы хоть немного прийти в себя. Но, заглянув в ванную, чуть не лишился чувств. Вся комната была залита кровью, на полу лежало обезглавленное тело Катерины, а рядом валялся топор.

- Ваш топор? - спросил Зубов, аккуратно записывавший показания Шубейкина. Горе-жених не вызывал у капитана ни малейшей жалости, только омерзение.

- Мой, - покаянно кивнул тот. - На балконе лежал, вместе со всеми инструментами.

- Как вы убили гражданку Стрижову и зачем отделили голову от тела?

- Я не помню, - страшным шепотом ответил Шубейкин. - Черная дыра в голове. Как ссорились, помню. Как кричала она. Голосом таким чужим, противным. Как ударил ее помню, а дальше ничего, провал.

- До какого конкретно места провал?

- Ну вот... до того, как я ее тело нашел. Испугался, жуть! Думаю, это ж мне теперь из тюрьги не выйти. Сел, подумал, чего да как. А потом решил тело спрятать. Никто ничего и не узнает. Бетон у меня был, я ее в подвал спустил и пол тут же залил. Еще, это, подумал... удобно без головы-то, иначе она бы не поместилась.

Зубова передернуло.

- А голову вы куда дели?

- Никуда. - Шубейкин смотрел на капитана непонимающе. - Я же говорю, не было головы.

- Ну, изначально головы не могло не быть. Когда вы ругались и дрались, Стрижова же с головой была.

– С головой... – немного посомневавшись, признал Шубейкин.

– А в бетон вы ее упаковали уже без головы. Так голову-то куда дели?

– Я не помню, – голос Шубейкина опять упал до шепота. – Мне кажется, не было головы. Но, может, у меня опять память пропала, и я просто не помню. Может, я ее в какое-то другое место закопал. Или в мусорный контейнер выбросил.

– Или отвезли в лесопарковую зону рядом с городским приютом, куда бездомных собак определяют, – мрачно резюмировал Зубов. – Чтобы затруднить идентификацию жертвы. А в полицию ты зачем обратился, чудака-человек? Ты зачем сам к себе внимание привлек?

– Так я подумал... Она же к кому-то в наш город приехала? А если бы тот человек забеспокоился, искать стал? А она про меня успела рассказать – где остановилась и вообще... А я сижу и никаких признаков волнения не проявляю. Вот и решил. Превентивно, так сказать.

– Ах, превентивно, – хмыкнул Зубов. – Грамотные все такие стали, с ума бы не сойти.

В общем, дело они закрыли довольно быстро. Хотя внятных ответов на вопросы «Зачем жертве отрубили голову?» и «Как голова попала в лесопарк?» так и не получили.

– Ну, он же объяснил. Тело под балкон не влезало, отделил голову от тела для удобства, – задумчиво сказал Зубов коллегам, когда они обсуждали это «преступление страсти».

– Нет, странно все равно, – не согласился старший товарищ Лавров. – Что-то в этом деле не так, печенкой чую.

Что именно «не так», выяснилось довольно быстро. Оказалось, нет в их городе никакой Екатерины Стрижовой. Просто-напросто не зарегистрировано. Нет, конечно, отыскивались полные тезки, но все эти женщины были живы и здоровы, и гражданина Шубейкина знать не знали. Да и по возрасту ни одна не подходила. Не удалось обнаружить и паспорт убитой Стрижовой, хотя прилетела она на

самолете, куда без паспорта, как известно, не пускают. Убийца о судьбе документа то ли не знал, то ли не хотел говорить.

Полиция далекого северного города информацией тоже не помогла. Екатерина Стрижова, тридцати двух лет, действительно приехала туда по найму за три месяца до случившихся событий. Работала в библиотеке, жила в съемной квартире, где остались ее вещи. На работе отпросилась на неделю, планировала вернуться. Все. В отделе кадров отчего-то не нашлось ни одной фотографии молодой женщины, а в квартире, среди немногочисленных вещей, не удалось отыскать ни единого документа.

В общем, погибшая Екатерина Стрижова оказалась этакой женщиной-невидимкой, инопланетяжкой, появившейся неизвестно откуда с единственной целью – быть зверски убитой Константином Шубейкиным, находившимся в состоянии аффекта и сильного алкогольного опьянения.

Поскольку характеризовался гражданин Шубейкин исключительно положительно, судимостей ранее не имел, в совершенном убийстве раскаивался, лил горькие слезы и объяснял всем, кто был готов слушать, что «Катю он любил», то суд, хоть и квалифицировал его действия по 105-й статье Уголовного кодекса Российской Федерации как убийство, то есть «умышленное причинение смерти другому человеку», но наказание назначил в виде восьми лет лишения свободы, с отбыванием в колонии общего режима.

Было это две недели назад, но сдавать дело в архив капитан Зубов не спешил, поскольку ему хотелось докопаться до истины и выяснить, откуда взялась гражданка Стрижова. Не с Марса же, в самом деле! Да и пропавший паспорт не давал покоя. Однако работы хватало и до удовлетворения собственного любопытства, за которое начальство хвалить не станет, руки все не доходили.

В конце концов, молодая женщина могла и соврать своему любовнику. Из каких-то своих соображений назвалась землячкой, а сама приехала на Север из какого-то другого города. Россия, как известно, большая. Никто больше ее не искал, никого ее судьба не волновала. Вот и славно.

Помимо прочих документов, в папке хранилось и несколько очень любопытных фотографий. Полицейский фотограф старательно «отщелкал» картину, украшавшую жилище Шубейкина. Картина, пусть и оформленная в самую

обычную дешевую рамку, резко контрастировала со всей остальной обстановкой и невольно привлекала внимание. Странный, сюрреалистический пейзаж: острый утес, обрыв, на самом краю которого на одной ножке балансирует стул, а на стуле сидит человек и самозабвенно играет на скрипке.

Чем привлекла его картина: необычностью сюжета, мастерством исполнения или тревожным настроением, Зубов и сам не знал. В живописи он не понимал ровным счетом ничего. Но этот пейзаж его прямо-таки манил, да так сильно, что капитан спросил у Шубейкина, откуда в его квартире такой арт-объект.

– Катюша подарила, – ответил тот, глядя на Зубова мутными от внутренней боли глазами (может, правда любил свою убитую подругу). – Она рисовать очень любила. Как только под руку попадет клочок бумажки, так сразу и принималась черкать.

Была в уголовном деле и еще одна жутковатая подробность, хотя жутью история эта и так пропитана от начала и до конца. А все же! Рассказывая о своей возлюбленной, Шубейкин вспомнил, как женщина не раз и не два повторяла такую фразу: «Все равно не сносить мне головы». Учитывая способ, которым Екатерину убили, слова теперь приобретали зловещий, мистический смысл.

«Ну да, прямо «Аннушка уже пролила масло», – хмыкнул Сергей Лавров, когда услышал от Зубова эту историю. Роман «Мастер и Маргарита» Зубов когда-то прочел, но не понял. В литературе он разбирался примерно так же, как и в живописи, поэтому параллелей провести не сумел. Понял только – речь идет о мистике, а в мистику он не верил.

Судебный психиатр, дававший заключение относительно душевного здоровья Шубейкина, в мистику тоже не верил, а потому предположил, что, находясь в алкогольном делирии, иначе называемом «белой горячкой», Константин вполне мог вспомнить любимую присказку дамы сердца. И, руководствуясь, так сказать, прямыми указаниями возлюбленной, отрубил ей голову. Бред и галлюцинации – это дело такое, серьезное. За неимением других объяснений это было воспринято следствием, а позже судом, вполне благосклонно.

Перед тем как убрать папку в шкаф, Алексей достал фотографию картины и кнопкой прикрепил к стене рядом со своим рабочим столом. Человек, играющий на скрипке над обрывом, отчего-то был ему близок и понятен. Затем Зубов

принялся сортировать остальные документы. Бегло пробежал бумаги глазами, какие-то рвал и отправлял в мусорное ведро, какие-то раскладывал по папкам, другие даже подшивал, кляня себя за то, что накопил такой ворох дел. Гора Кяпаз и не думала становиться хоть чуточку ниже, но судьбе было угодно спасти капитана от унылой перспективы разбирать бумажные завалы до позднего вечера. Спасение явилось в образе дежурного лейтенанта Славика, который, пуча глаза, ворвался в кабинет и возбужденно завопил:

- Леха! Зубов! Давай на выход! Убийство.

- Где? - спросил Алексей, сдергивая с вешалки куртку.

Хлопнув дверью, он краем глаза успел увидеть, как гора папок все-таки рухнула со стола и стайка белых листов плавно закружилась над ободраным линолеумом.

- В картинной галерее «Красный угол», - скороговоркой докладывал между тем Славик, топчущий «берцами» впереди Зубова. - Это на Набережной. Лавров позвонил - он уже выехал. Там это, Леха, не простое убийство.

- А какое? - спросил Зубов, чуть усмехаясь энтузиазму юного коллеги. Сам он уже давно вышел из этого возраста и утратил способность опасно восхищаться необычными преступлениями.

Славик остановился, повернулся к Алексею, еще больше вытаращил глаза и прошипел страшным шепотом:

- Ритуальное.

Глава 2

Перед зданием частной картинной галереи «Красный угол», фасадом выходившей на набережную Волги, уже стояло несколько полицейских машин и «Скорая помощь». Зубов, дожидаясь, пока из его автомобиля выберется немолодой эксперт, оглядел немногочисленных зевак, как по мановению

волшебной палочки моментально собирающихся везде, где хоть что-то случилось. Зубову они напоминали воронье, слетевшееся на чужую беду.

Он потянул на себя тяжелую дверь, вошел внутрь и невольно присвистнул. Так уж получилось, что в этой галерее современного искусства Алексею ранее бывать не доводилось. Впрочем, как и в любой другой. От искусства он был далек. И от современного, и от классического. Поэтому увиденное впечатлило его гораздо сильнее, чем какого-нибудь искусственного эстета.

В старинном особняке, снаружи казавшемся типичным образчиком купеческой архитектуры девятнадцатого века, было много света и воздуха – все внутренние стены и перекрытия ликвидировали, отчего внутреннее пространство казалось нескончаемым. В центре холла парила стеклянная лестница, ведущая на второй этаж, стойка гардероба была выполнена из неведомого материала, имитирующего стекло, а в простенках между глубокими окнами стояли стеклянные витрины, отражавшие бьющие из окон солнечные лучи. Солнце? Еще пять минут назад Зубов мог поклясться, что день сегодня пасмурный. Но *voilà!* Шедевр дизайнерской мысли меняет законы природы.

За гардеробной чудо-стойкой жалась испуганная и заплаканная вахтерши. Или контролерши, бес их разберет. В воздухе чувствовался стойкий запах корвалола, отчего Алексей чихнул, как мартовский кот, а потом еще раз и еще. Дамы покосились на него и сплотились сильнее, как будто в нем, капитане Зубове, таилась какая-то угроза.

– Куда проходить? – спросил он, забыв поздороваться, и женщины синхронно кивнули в сторону лестницы.

Наверх Алексей поднимался с легкой опаской, потому что стеклянное сооружение отнюдь не выглядело надежным. У него было ощущение, будто он не просто идет по ступенькам, а возносится куда-то к небесам по тропинке, проложенной неизвестным волшебником прямо по воздуху. За спиной слышалось рассерженное пыхтение пожилого эксперта.

Мельком он оглядел один из выставочных залов с концептуально развешанными картинами и какой-то причудливой статуей. Статую немедленно захотелось рассмотреть получше, и Зубов выругал себя за не вовремя вспыхнувшую тягу к прекрасному.

На втором этаже взору его открылся новый зал, вполовину меньше первого, но тоже воздушный и светлый. По стенам были развешены картины в прекрасных, совсем не вычурных рамах и стояла загадочная фигура. «Инсталляция», – вспомнил Зубов нужное слово. Капитан прошел в смежный зал номер три, откуда доносился гомон голосов, и застыл в дверях. В этом зале тоже было много света, воздуха и картин. И инсталляция здесь тоже была, и от нее, жуткой и чудовищной, дыбом вставали волосы, и холодок бежал вдоль позвоночника, щекоча затылок.

В углу, у самого дальнего окна, практически под самым потолком, в позе парящего ангела висел обнаженный человек. Пожилой мужчина, скорее даже старик. Раздвинутые конечности веревками крепились к крюкам, вбитым в стены, голова с начинающей редеть, но все еще довольно густой, совершенно белоснежной шевелюрой чуть запрокинута назад, подхваченная под шеей петлей, уходящей к потолку, рот разинут в безмолвном крике. К предплечьям каким-то образом крепились крылья, отчего мужчина был похож на успевшего состариться Икара, взлетевшего в небо и погибшего в полете.

Много чего повидавшего Зубова внезапно передернуло, поскольку от увиденного веяло не просто мрачной жутью, а безумием, глубоким и застарелым безумием, вселяющим ужас, как ничто другое, поскольку от него нельзя было спрятаться или застраховаться. Он заставил себя собраться, сглотнул и сделал шаг вперед, привлекая к себе внимание.

– Капитан Зубов, – представился он. – Коллега майора Лаврова. Серег, чего тут у нас?

– Да сам видишь, – с досадой ответил Лавров.

– Я-то вижу, но ты введи меня в курс дела.

Лавров кивнул, словно признавая справедливость подобного предложения.

– Сегодня тут планировалось предварительное открытие новой выставки. Картины и инсталляции современных мастеров на тему человека и его осознания себя в окружающем мире.

– Чего? – Зубов жалобно моргнул, поскольку из сказанного Сергеем не понял ровным счетом ничего. Все слова в отдельности воспринимались прекрасно, но общего смысла фраза обретать не желала.

– Давайте я поясню, – к ним приблизилась молодая женщина.

Невысокая, очень хрупкая, с огромными темными, почти черными глазами и короткой стильной стрижкой, она выглядела прелестно в обтягивающей бедра узкой кожаной юбке и огненно-красной блузке, отороченной пушистым мехом, щекочущим нежное тонкое горло. Зубову внезапно захотелось провести по нему пальцами, чтобы ощутить шелковистую нежность кожи. Он снова сглотнул.

– Вы кто? – хрипло спросил он.

– Я – куратор выставок. Работаю здесь, в галерее. И сегодняшнее мероприятие входит как раз в зону моей ответственности, – спокойно ответила она. – Меня зовут Анна Сергеевна Бердникова. Можно просто Анна.

Зубов кивнул, то ли соглашаясь, то ли позволяя ей начать рассказ. Анна, чуть бледная от пережитого волнения, но явно способная держать себя в руках, воспользовалась этим разрешением.

Выяснилось, что утром первой в галерее появилась гардеробщица Клавдия Васильевна (видимо, одна из пожилых дам, плачущих внизу, в гардеробе). Именно она открыла парадную дверь. На второй этаж, впрочем, женщина не поднималась, поскольку уборку в галерее сделали вчера, когда закончились все приготовления к открытию вернисажа, и делать в залах Клавдии Васильевне было совершенно нечего. Ничего не подозревающая старушка успела раздеться в гардеробе и заварить чай в маленькой подсобке. В это время приехала Анна Бердникова. Кивнув гардеробщице, она отказалась от предложенной чашки чая и прошла в комнату для персонала, расположенную на втором этаже. Попасть в служебное помещение можно было через зал номер два.

– В зал номер три вы не заходили?

– Нет, туда я намеревалась заглянуть позже. – Анна пожала безупречными плечами, мех вокруг горла заколыхался, по мягкому шелку блузки пошли волны, очерчивая высокую грудь, и Зубов снова сглотнул, досадливо поморщившись.

Сам себе он напомнил восьмиклассника, глазеющего на первую красавицу школы.

Темноглазая Анна прошла в кабинет, повесила пальто в стенной шкаф, составила в ежедневнике план задач на сегодняшний день и сделала пару телефонных звонков, после чего появилась ее начальница, директор галереи Ольга Аполлинарьевна Бабурская.

Зубов оглядел столпившихся у окна людей, пытаюсь без подсказки понять, о ком идет речь, но Анна коротко мотнула головой:

– Ольги Аполлинарьевны здесь нет. Она сейчас в кабинете, вместе с врачами «Скорой». Ей стало плохо, пришлось вызвать бригаду.

– Ей стало плохо, потому что она нашла тело?

В глазах Анны Бердниковой Зубов увидел нечто, похожее на презрение.

– Тело нашла я, – тоненьким голоском сказала она. – Когда Ольга Аполлинарьевна пришла и разделась, мы еще выпили кофе, а потом я решила включить свет в залах, с минуты на минуту уже должны были прийти журналисты.

При слове «журналисты» Зубов с Лавровым синхронно застонали. Вот только журналистов здесь сейчас и не хватало. Анна снова посмотрела на оперативников то ли презрительно, то ли снисходительно. Сразу и не поймешь.

– Ну, разумеется, я не пустила сюда журналистов, – с достоинством заметила девушка. – Когда я увидела, что случилось, то, во-первых, сразу же дала команду запереть входную дверь и не пускать внутрь никого, кроме полиции и «Скорой», а во-вторых, постаралась сделать так, чтобы Ольга Аполлинарьевна не увидела этого ужаса. Но у меня не получилось. Она все поняла и захотела увидеть своими глазами. Ей стало плохо, и с этого момента, конечно, началась сумятица. Господи, я даже представить себе не могу, как она это переживет, бедняжка.

– Что «это»? Убийство в галерее? – спросил Зубов, и теперь Анна посмотрела на него откровенно неприязненным взглядом. Как на убогого.

– Этот человек... – покосилась она в сторону висящего в углу тела, стараясь, впрочем, не поворачиваться к нему лицом. – Это Михаил Валентинович Бабурский, владелец галереи и муж Ольги Аполлинарьевны.

Зубов длинно присвистнул, уже не заботясь о собственном, и так изрядно подпорченном, имидже в глазах прекрасной дамы.

– А вы, простите, кто? – обратился он к бледным от ужаса сотрудникам галереи, жавшимся поближе к Анне.

– Я – галерейный фотограф, – прошелестел симпатичный паренек. – Я пришел, когда Анна уже нашла тело... я хочу сказать... Михаила Валентиновича. Она выскочила из зала и крикнула, чтобы я вызывал полицию и «Скорую». И побежала к Ольге Аполлинарьевне. Я ничего не понял и зашел в зал – узнать, что случилось. Я думал, галерею обокрали. Но увидел... Увидел...

Парень замолчал и судорожно задышал открытым ртом, словно отгоняя тошноту. В глубине души Зубов его очень даже понимал.

– Зовут-то тебя как, фотограф? – участливо спросил он. На вид парнишке было лет двадцать, не больше.

– Егор Ермолаев, – ответил тот еле слышно. – Я подрабатываю тут. Я вообще-то студент, в медицинском институте учусь.

– Учишься в медицинском, а подрабатываешь фотографом? – удивился Лавров.

– Ну, я фотографией с детства увлекаюсь. Это занятие больше для души. Я в нескольких местах подработку беру, нам с мамой деньги нужны. Она у меня кассир в магазине, тяжело ей меня учить, и я тоже стараюсь работать. Причем так, чтобы максимально с пользой. И для кошелька, и для учебы, и для души.

– Тут, значит, для души? – уточнил Зубов без всякой насмешки в голосе.

В любом вопросе он старался устранять любые неточности. Так его учили. Тот же Лавров, кстати.

– Ну да, – парень кивнул головой. – Я, кстати, как «Скорую» и полицию, вас то есть, вызвал, тут все защелкал. На всякий случай. И если вам фотографии нужны, обращайтесь, я вам дам.

В зале уже вовсю работала приехавшая вместе с Зубовым оперативно-следственная бригада, в том числе и фотограф, но отказываться от предложения Ермолаева сыщики не спешили. В сложном деле любая мелочь может пригодиться, а в том, что дело будет сложным и запутанным, они оба отчего-то даже не сомневались.

– А вы? – обратился Зубов к пожилой даме, которая крепко держалась за локоть Егора, видимо, боясь упасть.

– Меня зовут Елена Кондратьева, я второй куратор в галерее, – ответила та. – За эту выставку отвечает Анечка, поэтому я сегодня пришла чуть позже. Входная дверь была уже заперта, мне пришлось звонить и стучать. К тому моменту, как Клавдия Васильевна мне открыла, подошла еще Мария Андреевна, наша смотрительница залов. Мы вошли и сразу все узнали. Мария Андреевна осталась с Клавдией Васильевной, а я поднялась наверх. Хотела спросить, могу ли я чем помочь. И вот... – Женщина развела руками, давая понять, мол, помочь не смогла, чем уж тут поможешь.

– Итак, – Лавров рубанул рукой воздух, словно подводя черту под всем услышанным. – К моменту обнаружения тела господина Бабурского в галерее находились три человека. Куратор Анна Бердникова, гардеробщица Клавдия Васильевна и жена покойного Ольга Аполлинарьевна Бабурская. Затем пришли еще трое. Вы, господин студент. Вы, госпожа Кондратьева. И смотрительница, которая наверх не поднималась. В галерее есть еще сотрудники? Кто-то по какой-то причине сегодня отсутствует на рабочем месте?

– Нет, – спокойно ответила Анна, раз уж все остальные безоговорочно признали ее старшинство. – У нас маленькая галерея. Мы с Леной отвечаем за текущие проекты. Ольга Аполлинарьевна ведет бухгалтерию и прочую отчетность, а также курирует работу со спонсорами. Есть еще вторая гардеробщица и вторая смотрительница залов, но они работают два дня через два, поэтому сегодня в

галерею отсутствуют и вчера их тоже не было. Все, других сотрудников у нас нет.

– А часто ли приходил сюда господин Бабурский?

– Практически никогда. – Анна, похоже, удивилась. – Он же здесь не работал. Михаил Валентинович открыл галерею для жены. Он был основным меценатом, благодаря которому мы могли вести свою деятельность. Всегда приходил на вернисажи и крупные мероприятия, иногда вечерами встречал жену, но в целом галереей не занимался.

– Ему это было неинтересно?

– Не очень интересно, – согласилась Анна. – Да и человек он был уже пожилой. В последнее время у него обострились проблемы со здоровьем, он вообще практически не выходил из дома. Ольга Аполлинарьевна так нежно и трогательно о нем заботилась.

– А вчера вечером? Кто последним уходил из галереи? Запирал двери? – спросил Зубов.

– Я, – с готовностью ответила девушка. – Я засиделась допоздна. Мне хотелось, чтобы все получилось идеально, и нужно было еще раз все проверить. Фирма, в которой мы всегда нанимаем подсобных рабочих, вчера помогла нам перевесить ряд работ и закрепить инсталляции. В том числе и эту.

– Эту? – Зубову показалось, что он ослышался.

– Нет! Не Михаила Валентиновича, конечно! – Молодая женщина изменилась в лице.

«Вспомнила, как увидела утром эту ужасную картину», – понял Зубов.

– Здесь в углу висела фигура Икара. Манекен, понимаете?

Лавров с Зубовым согласно кивнули.

– В общем, они все доделали и ушли. Я подождала, пока Клавдия Васильевна вымоет полы и тоже уйдет домой, перезвонила еще раз всем, кого мы пригласили на открытие, проверила, все ли привезли для фуршета, а потом закрыла галерею и ушла домой.

– Во сколько это было?

– Около девяти вечера.

– То есть, когда в девять вечера вы запирали галерею, все было в порядке, и под потолком этого зала висел пластиковый манекен? – Голос Сергея Лаврова звучал вкрадчиво и мягко. Из присутствующих только Зубов знал, какое коварство может прятаться за этой кажущейся мягкостью.

– Да, – кивнула Анна.

– Тогда как здесь оказался господин Бабурский? Который, как вы утверждаете, болел и практически не выходил из дома? И почему его отсутствие в постели не вызвало тревоги у его жены? По вашим же словам, такой нежной и заботливой.

– Я не знаю, – прошептала Анна и вдруг заплакала. Впервые за все это проклятое утро.

– Ладно, зададим эти вопросы самой Ольге Аполлинарьевне, – скрипучим голосом сказал Зубов, который отчего-то не мог видеть Анну Бердникову плачущей. Совсем не мог. – Серег, ты тут с ребятами останешься или со мной пойдешь?

– Ребята сами справятся, – буркнул Лавров и обернулся к сотрудникам галереи: – Вас всех я убедительно прошу не расходиться. Пройдите, пожалуйста, в соседний зал, чтобы здесь никому не мешать. А мы с коллегой пойдём, побеседуем с вашим директором. Если «медицина» позволит, конечно.

* * *

Ольга Аполлинарьевна Бабурская оказалась дамой пожилой, но очень эффектной. Как говорили раньше, со следами былой красоты. В тщательно

прокрашенных и уложенных волосах не было даже намека на седину. На лице макияж, на руках с идеальным маникюром эффектные кольца, одежда элегантная и в меру дорогая, «возрастную» шею прикрывает со вкусом подобранный шарфик. Женщина явно знала себе цену, причем цена эта была немалая. Даже сейчас, с заплаканными глазами и бледным лицом, она выглядела весьма достойно.

– Вы себя достаточно хорошо чувствуете? Сможете поговорить с нами? – на правах старшего по званию уточнил Лавров. – Мы сочувствуем вашему горю, но чем раньше мы сможем получить ответы на вопросы, тем быстрее поймем, что же здесь на самом деле случилось.

– Спрашивайте, я отвечу, – слабым голосом ответила Бабурская. – Я же все понимаю. Вам работать надо.

– Ольга Аполлинарьевна, как ваш муж оказался в галерее и почему пришел сюда ночью?

– Я не знаю. – Женщина закрыла лицо руками, но тут же отдернула их и посмотрела прямо на сыщиков. – Ему совершенно нечего было тут делать. Он крайне редко приходил в галерею вообще, и уж точно не было ни малейших причин делать это ночью.

– Как вы вообще могли не заметить, что вашего мужа нет дома? Почему не начали его искать?

– В последнее время он жил не в городской квартире, а в нашем загородном доме. Вернее, мы оба там жили. Обычно мы переезжали за город на лето, а осенью перебирались обратно в квартиру, но в этом году Михаил Валентинович принял решение остаться на даче. Вы же понимаете, это не просто дача, а полностью оборудованный и хорошо отапливаемый дом в сорока километрах от города. Там вполне можно жить круглый год.

– Тогда почему вы не жили там зимой раньше? Что изменилось?

Бабурская горько усмехнулась:

– Изменился возраст. И, как следствие, состояние здоровья, – устало сказала она. – За последний год Михаил Валентинович сильно сдал. Раньше он активно участвовал в общественной жизни – встречался с представителями бизнеса, политиками, давал консультации, читал лекции и работал с молодежью, ходил на вернисажи и очень любил театр. Именно поэтому мы больше времени проводили в городе. Сейчас он лишился всех этих возможностей. Бывают дни, когда он настолько плохо себя чувствует, что вообще не встает с постели. В такой ситуации светская жизнь уже не имеет такого значения, как раньше, а за городом Михаилу Валентиновичу легче дышится. Дышалось.

Она замолчала, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями. В кабинет заглянула красавица Бердникова, глянула вопросительно и негромко спросила:

– Ольга Аполлинарьевна? Может, воды принести?

– Не надо, Анечка. Спасибо. – И добавила, обращаясь к двум сыщикам: – Я могу продолжать, спрашивайте.

– Итак. Если мы правильно поняли, этой зимой ваш муж остался жить в загородном доме. А вы? Переехали в город?

– Нет-нет! Как же я могла оставить его одного? Разумеется, я живу рядом со своим мужем. Вместе с нами в доме живет постоянная помощница по хозяйству. Когда надо, она исполняет функции сиделки. Моя работа не требует ежедневного присутствия в галерее. Девочки – Анечка и Леночка – вполне справляются со всем без меня. Я приезжаю сюда на пару часов два-три раза в неделю. Иногда у меня и другие дела в городе бывают.

– Какие дела? – уточнил дотошный Лавров.

– Ах, боже мой! Чисто женские: парикмахер, массажист, косметолог. Купить продукты и лекарства, пообщаться с подругами. Я не живу в «золотой клетке», мой муж всегда с пониманием относился к тому, что я уезжаю по делам. Просто свой распорядок дня я составляю сама и могу себе позволить ездить в город далеко не каждый день.

– Сегодня вы ночевали в городе? А ваш муж остался в загородном доме?

– Да. Вчера мы достаточно поздно освободились, сегодня утром pre-party... вечеринка, фуршет перед официальным открытием выставки, – спохватившись, пояснила женщина. – Не имело смысла мотаться туда-обратно, и я осталась ночевать в городской квартире.

– Вы часто такое практиковали?

– Нет, не очень. Может быть, раз в месяц, иногда два. Я могла пойти в театр на премьеру или встретиться с подругами в ресторане, или, как вчера, задержаться на работе. В таких случаях я всегда предупреждала Михаила Валентиновича и нашу помощницу по хозяйству. Проблем не возникало.

– Простите меня за следующий вопрос, – мягко сказал Зубов, – но я все-таки вынужден его задать. Вы ночевали одна?

Дама надменно вскинула голову.

– Молодой человек, несмотря на то что мой муж был много старше меня, я никогда ему не изменяла, – сказала она с достоинством. – Разумеется, когда я оставалась в городской квартире ночевать, я была совершенно одна. И вчерашняя ночь не стала исключением.

– Когда вы в последний раз разговаривали со своим мужем? – поспешно спросил Лавров, сглаживая бестактность своего молодого коллеги, хотя заданный вопрос был абсолютно естественным и важным.

– Я приехала домой... в квартиру, около половины девятого вечера. Устала за день, поэтому есть не хотела, только выпила чаю. И, пока чайник закипал, позвонила Мише. Он сказал, что чувствует себя неплохо, с аппетитом поужинал и сейчас планирует посмотреть кинофильм, а потом лечь спать. Я пожелала ему спокойной ночи и пообещала позвонить утром, как только приду на работу.

– То есть Михаил Валентинович не собирался ехать в город?

– Разумеется, нет. Он не выезжал из Спасского-Луговина, это деревня, где находится наш дом, с середины сентября. Тогда я отвезила его на медицинское обследование, и больше он дом не покидал. Врачи, бывшие коллеги и друзья

приезжали к нему сами.

Зубов задумчиво посмотрел в окно. В стекло настойчиво билась голая, иззябшая на ветру ветка ясеня, будто просила пустить ее внутрь, в тепло. Чуть дальше блестела река – гладкое перволедье в черных пятнах талой воды. В этом году Волга так и не «встала» полностью, но отважные рыбаки все равно сидели с удочками над проделанными лунками. Скверная в этом году наступила зима, скверная.

Как же так получилось? Невероятный ребус: давно не выезжающий в город пожилой больной человек заявил жене, что посмотрит кино, а потом ляжет спать, но вместо этого каким-то образом преодолел сорок километров и оказался в городе. Зачем? Да не просто в городе, а в запертой на ночь картинной галерее собственной жены, где и был убит с извращенной жестокостью.

– А с помощницей по дому вы разговаривали? Она что говорит? – спросил он у женщины, которая во время разговора как-то стремительно – прямо на глазах – постарела.

– Нет, я увидела Мишу, и мне стало плохо, – прошептала Бабурская. – Но вы правы. Конечно, надо спросить у Светланы, как так вышло.

– Если вы не возражаете, я сам с ней поговорю, – сказал Лавров. – Диктуйте номер.

Тут-то и выяснилось, почему помощница Светлана Калинина до сих пор не хватилась хозяина. Бабурский маялся бессонницей: засыпал лишь под утро, а вставал в десять-одиннадцать часов утра. Поскольку час был еще ранний, женщина преспокойно занималась домашними делами. Узнав о кончине Михаила Валентиновича, Светлана ужаснулась, заплакала, выказала готовность немедленно ехать на помощь к Ольге Аполлинарьевне, но потом все-таки сумела взять себя в руки и довольно толково ответила на вопросы сыщиков.

Со слов Светланы Калининой, выходило так: вчера вечером она покормила Михаила Валентиновича ужином, вымыла посуду и пол в кухне, а часов около девяти зашла к нему в спальню, чтобы проверить, принял ли он лекарства и не нуждается ли в помощи. Бабурский, в бархатном домашнем халате, уже лежал в постели и смотрел какое-то кино – огромный телевизор в загородном доме был

подключен к интернету, что давало возможность поистине бесконечного поиска самых разных фильмов. Выглядел хозяин хорошо, от помощи отказался и отпустил Светлану отдыхать.

- И что вы сделали?

- Ушла в свою комнату, позвонила своему другу, - всхлипнул голос в телефонной трубке. - Затем приняла душ, легла в кровать, тоже включила фильм - я каждый вечер смотрю по одной серии английского сериала «Корона», мне очень нравится, и взялась за вышивку. Часов в одиннадцать выключила свет и уснула.

- Вы ничего подозрительного не слышали? Как Бабурский мог покинуть дом, а вы ничего не заметили?

- Моя комната на другом этаже, - извиняющимся тоном сказала Калинина. - На тот случай, если Михаилу Валентиновичу что-то понадобится, есть тревожная кнопка, которой он может меня вызвать. Но он ею не воспользовался. Пока я еще прибиралась на кухне, я слышала, как ему кто-то звонил. Это он еще в кабинете был, не в спальне. Потом он разговаривал с Ольгой Аполлинарьевной - это я тоже слышала, а потом поднялась наверх, и все. Никаких подозрительных звуков не было.

- Ни шагов, ни хлопанья дверей, ни звука работающего двигателя?

Светлана Калинина помолчала, видимо, вспоминая.

- Нет, - наконец сказала она. - Я, конечно, не прислушивалась, да и телевизор у меня работал. К примеру, если бы Михаил Валентинович пошел в туалет или на кухню, да еще специально старался идти потише, то я бы не услышала его шагов. А до этого я была в душе. Если он ушел из дома в тот момент, то и звука открывающейся двери я бы не услышала тоже. А машина... Мне кажется, я слышала шум какой-то проезжающей машины, но точно не помню.

- А как Михаил Валентинович мог добраться до города?

- Не знаю, - искренне удивилась домработница. - Он уже давно сам не садился за руль. И в семье только одна машина. Та, на которой ездит Ольга

Аполлинарьевна.

– Значит, либо Бабурский вызвал такси, либо его кто-то ждал за воротами, чтобы отвезти в город, – задумчиво подытожил Лавров. – Что ж, спасибо вам, Светлана. Один из наших сотрудников подъедет к вам, чтобы запротоколировать ваши показания. Да и дом надо осмотреть. С Ольгой Аполлинарьевной мы сейчас договоримся.

Бабурская разрешение побывать в ее загородном доме дала спокойно. Она вообще выглядела рассеянной, как будто думала о чем-то своем, и эти мысли не давали ей покоя.

– Странно... – Пожилая женщина провела ладонью по лбу и беспомощно посмотрела на сыщиков. – Это так странно...

– Что именно? – уточнил Зубов, во всем любивший ясность.

– Я вдруг вспомнила... Как-то мы разговаривали о смерти – Мишу больше расстраивала не сама неизбежность кончины, а тот неоспоримый факт, что смерть он встретит в своей постели.

– В смысле?

– Ну как вам объяснить... Миша всю жизнь был очень активным человеком. Директор крупного завода, большой бизнесмен, общественный деятель. Вокруг него всегда было много людей, жизнь кипела. А в последнее время немощь лишила его возможности жить в привычном ритме. Его это ужасно раздражало. Он считал унижительным скончаться в постели от старости и болезни. Говорил, что предпочел бы уйти из жизни в результате какого-то приключения. Конечно, в силу возраста и самочувствия на приключения ему рассчитывать уже не приходилось. Но он ошибся, как мы видим.

Бабурская снова закрыла лицо руками и горько расплакалась.

* * *

Вообще-то капитан Зубов никогда не считал себя особо скромным и свой интерес к женщинам проявлял легко и непринужденно, ровно в тот момент, как заинтересованность в нем возникала. Анна Бердникова с ее идеальным лицом, дерзкой стрижкой, вызывавшей холодок в области позвоночника, и бездонными темными глазами привлекала его безумно, но подойти к ней (не в качестве капитана Зубова – лица официального, а в качестве просто Алексея Зубова) он отчего-то стеснялся.

Доселе неведомая, робость напала, навесила по гире на каждую ногу, сковала язык. Заканчивая необходимые оперативные действия, он томился и мучился, то и дело бросая на молодую женщину пламенные взгляды. На один из них она ответила, улыбнулась открыто и ясно, да еще провела острым язычком по красиво очерченной нижней губе, отчего у Зубова на секунду помутилось сознание. А затем сама направилась прямо к нему. Капитан стоял ни жив ни мертв.

– Мне кажется, или вы хотите попросить мой телефон? – спросила она едва слышно.

Он замотал головой, и это с одинаковой долей вероятности можно было расценить и как «да», и как «нет». Да, кажется. Да, хочу... Она понимающе засмеялась и протянула Зубову маленький плотный бумажный прямоугольник – визитку.

– Не знаю, во сколько я сегодня освобожусь... А уж во сколько освободитесь вы, тем более неизвестно... Но если захотите выпить кофе, позвоните. Приглашение действительно и в другие дни.

Туман рассеялся, красавица Анна отошла, а в душе у Зубова все пело, несмотря на явную гнусность окружающей обстановки. Предстоящий день оставался таким же бесконечным, но отнюдь не безрадостным, пусть общая картина по-прежнему не желала проясняться.

Как удалось выяснить сыщикам, на охрану галерею вчера никто не ставил. Точнее, не только вчера, но и последние пару месяцев, с момента окончания срока действия заключенного с частным охранным предприятием договора, продлить который никто не потрудился.

– За семь лет работы сюда ни разу никто не пытался влезть, – слабым голосом пояснила Ольга Бабурская. – Здесь нет материальных ценностей. Вернее, есть, но это не то, что выглядит привлекательным для обычных воров. Мы даже не деньги решили сэкономить, а просто сочли продление договора нецелесообразным. Подумали, имеющихся внутри и снаружи камер вполне достаточно.

Камеры в галерее действительно были, все происходящее внутри и снаружи записывалось на ноутбук, хранившийся в комнате персонала. Однако ноутбук, как выяснилось, пропал бесследно, вместе с манекеном, с помощью которого воссоздавалась сцена парения Икара, и место которого заняло тело Михаила Бабурского.

– О том, что договора на охрану нет, а записи сохраняются в ноутбуке, могли знать только свои, – задумчиво заметил Сергей Лавров.

– Ага, и рассказать про это в случайном разговоре кому угодно, – согласился Зубов.

Поиск свидетелей не увенчался успехом. Парадные двери особняка выходили на пустынную ночью набережную. В доме справа никто не жил – владельцы давно перебрались на постоянное место жительства во Францию, слева был небольшой скверик, а «тылы» галереи прикрывал областной наркодиспансер, территория которого хоть и была обнесена забором с закрывающимися на ночь воротами, но хорошей охранной системой учреждение не могло похвастаться и даже камерами не обзавелось. К галерее могло подъехать несколько машин, могли входить и выходить люди, вносить тела и выносить манекены. Наблюдать за этим все равно было некому.

Возможно, что-то могло обнаружиться на камерах ГИБДД – от Спасского-Луговина до въезда в город их стояло несколько, но этот след еще следовало отработать, а дело это не быстрое. На всякий случай Зубов переписал марки и номера машин, на которых ездили сотрудники галереи. Машины, впрочем, имелись только у Ольги Бабурской и Анны Бердниковой: солидный «Мерседес» и маленькая юркая «Тойота».

По предварительному заключению эксперта Михаил Бабурский умер в результате удушения металлической петлей. Той самой петлей, которая позже

стала основным элементом ужасной инсталляции. Однако установить, был ли Бабурский убит до помещения в эту конструкцию или живой человек сначала стал, так сказать, частью арт-объекта, а потом уже скончался от удушения, пока не представлялось возможным. Могло быть и так, и так. Лавров даже предположил, что пожилой мужчина мог сам принять столь неподобающее положение.

– Зачем бы он в здравом уме сам полез в эту штуковину? – недоумевающе спросил Зубов. – Вроде человек был без психических отклонений, тем более старых взглядов. Не думаю, что он добровольно согласился раздеться до исподнего, нацепить крылья и взмыть к потолку.

– Но, если его сначала задушили, а потом все это проделали с телом... Какой силой должен был обладать преступник? Покойный весил не меньше восьмидесяти килограммов. – Лавров почесал в затылке. – Нестыковка получается.

– Нет никакой нестыковки. – Седой, щуплый, как будто вечно чем-то недовольный, эксперт подошел к сыщикам, сорвал с носа очки. – Все, тело можно забирать. Я закончил. Скажу я вам, в чем дело. На локтевом сгибе у него след от укола. Там и старых много – ему, похоже, курс капельниц назначали недавно, но один совсем свежий. Похоже, сначала сделали укол, он потерял сознание, его удавили и уже мертвое тело поднимали под потолок. Точнее после вскрытия скажу.

– Все равно силища нужна немалая, – пробормотал Зубов. – К примеру, женщина вряд ли справится.

Он вспомнил тонкие, хрупкие в запястьях ручки Анны Бердниковой и даже приободрился. Вот уж кому точно не под силу совершить подобное. Даже про алиби не стоит спрашивать.

А алиби на время убийства, как на грех, было только у галерейного фотографа Егора. Студент вчера вечером домой вернулся рано – собирался готовиться к семинару. Весь вечер и всю ночь просидел за учебниками фактически на глазах у любящей мамы, которой не спалось и которая несколько раз заходила в комнату сына, чтобы принести ему свежего чая. Анна, Елена и пожилые дамы, как и хозяйка галереи, ночевали в одиночестве. Первый круг следствия

заканчивался ровно там же, где и начался. На то он и круг!

К обеду оперативная группа покинула место происшествия, Анна увезла домой совсем обессиленную Ольгу Аполлинарьевну, кинув на прощание многозначительный взгляд на Зубова. Тот мысленно пообещал себе освободиться к семи вечера, чего бы это ни стоило.

Обещание, данное самому себе, сыщик сдержал, хотя это оказалось непросто. Странное убийство предгрозовой тучей висело над их отделом, омрачая будущие выходные, до которых оставался всего-то один рабочий день. Но настроение Алексею это не испортило. Без пяти семь он отложил папку с бумагами, кинул быстрое «Пока!» коллегам и устремился к выходу, на ходу набирая номер телефона, который уже успел выучить наизусть.

– Алло, – услышал он звонкий мелодичный голос и снова словно онемел на мгновение.

– Анна, добрый вечер! Это Алексей, то есть капитан Зубов, – скороговоркой произнес он, откашлявшись. – Вы мне утром дали свою визитку.

– Добрый вечер, Алексей, – голос журчал в трубке, как горный ручей, обволакивая приятной прохладой. – Вы созрели для кофе?

– Созрел. Тем более пообедать сегодня не удалось, – он даже засмеялся от того, как все вдруг стало легко. Никакого смущения, одна только ясная радость. – Может быть, мы встретимся в каком-нибудь кафе? Вам где удобнее? Я согласен на любой вариант.

– Раз вас устраивает любой вариант, тогда мне удобнее у меня дома, – тоже засмеялась она. – Сегодня не самый простой день в моей жизни, поэтому я как-то не расположена выходить на люди. Я уже успела и поплакать, и позлиться, и мне совсем не улыбается снова рисовать лицо и собирать себя в кучку. Но хороший кофе я сварить в состоянии. Записывайте адрес.

По дороге в респектабельный микрорайон «Изумрудный город», где несколько лет назад случилось убийство, наделавшее в городе немало шума[1 - Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Твоя примерная коварная жена».], Зубов заехал в цветочный магазин. И долго мялся у витрины, раздумывая, какие цветы могут

понравиться Анне. Розы казались ему пошлыми, герберы дешевыми, а большие сборные букеты убого-аляповатыми.

Из служебного помещения вышла маленькая, худенькая, похожая на умную грустную птичку женщина в длинном черном платье. Аля – Александра Ковалева – совладелица магазина несколько лет назад стала жертвой преступления, пострадал и ее муж. Оба выжили просто чудом. Чудом же сохранили здоровье и смогли вернуться к работе, которая, как подозревал Зубов, их и спасла[2 - Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов»]. Женщина звякнула тяжелыми браслетами, украшавшими ее запястья, и улыбнулась Зубову, как старому знакомому:

– Здравствуйте, Алексей. Что-то опять случилось?

Тревоги не было в ее голосе. После того, что она пережила, все тревоги казались пустыми и бессмысленными. Она и не тревожилась.

– Нет, я за цветами, – признался Зубов. – Вот, стою. Не знаю, какие лучше выбрать.

– Раз не знаете, значит, свидание первое? – понимающе усмехнулась Аля, а Зубов против воли покраснел. – Какая она, ваша девушка?

Алексей мечтательно поднял глаза к потолку, вспоминая Анну Бердникову: ее тоненькую фигурку, выступающую цепочку позвонков на спине, длинную гладкую шею, тонкие изящные пальцы, необычную стрижку с выбритыми висками, как у мальчика. Но ничего мальчишеского не было в ней. Наоборот, женственность Анны пленяла, манила в сети, забирала в плен, из которого, как уже догадывался Зубов, не было спасения. Аля терпеливо ждала.

– Она похожа на инопланетянку, – наконец сказал Алексей. – Земная и в то же время неземная. Она одновременно здесь и как будто не здесь. Это женщина из плоти и крови, но в ней есть что-то потустороннее. Она как противоречие, которое цепляет, и которое ты никак не в силах разгадать.

– Понятно, – кивнула головой Аля, хотя сам Зубов больше чувствовал, нежели понимал. – Да вы не волнуйтесь так, Алексей. Сейчас я все сделаю.

Она скрылась за стеклянными раздвижными дверями комнаты-холодильника, какое-то время ходила там между столами, уставленными корзинами, вазами и горшками со всевозможными цветами. То и дело наклонялась, выпрямлялась, выбирала подходящие бутоны. Руки ловко сновали, собирая букет, подходящий, по ее разумению, описанной Зубовым женщине. Если кто и владел языком цветов свободно, так это Александра Ковалева.

Собранный ею букет был прекрасен, хотя и состоял из неведомых капитану Зубову цветов. Он опознал лишь розы, да еще заметил в обрамлении основной композиции две высохшие маковые коробочки. Капитан замер и восхищенно смотрел на совершенную красоту в руках женщины-птицы. Аля засмеялась – изумление Алексея ей польстило.

– Чайная роза говорит о том, что красота всегда нова, – скороговоркой зачастила она. – Гибискус символизирует редкое изящество, цветы земляники – совершенное превосходство, камелия шепчет: ты неземное существо, и ей вторят подснежники: ты не такая, как все. А остальные цветы в букете говорят не о вашей девушке, а о вас, Алексей. Мелисса о симпатии, бальзамин о нетерпении, а в сухих коробочках мака кроется легкая шутка, снимающая пафос всего остального – они символ безумия. Если бы вы сейчас посмотрели в зеркало, то увидели бы умалишенного. Признайтесь в этом сумасбродстве своей девушке сразу и избежите полагающейся в таких случаях неловкости.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Зубов, забрал волшебный букет, за который Александра наотрез отказалась взять деньги, и поспешил на свидание. Если и безумный, то совершенно точно счастливый.

Глава 3

На такое капитан Зубов даже не рассчитывал, но утром следующего дня он проснулся еще более счастливым, чем был накануне. Свидание с красавицей Анной оказалось прекраснее любых самых смелых грез. Для начала выяснилось, что его ждал ужин. А вовсе не тот самый кофе, на который он был приглашен и которого ждал с легким внутренним содроганием. Кофе капитан не любил, а на ночь старался и вовсе не пить, поскольку в итоге получал изжогу и учащенное сердцебиение.

У здоровяка Зубова, регулярно участвующего в легкоатлетических марафонах и никогда не болеющего даже гриппом, после кофе начиналась дикая тахикардия, которая его страшно раздражала. А чашка бодрящего напитка вечером обеспечивала полностью бессонную ночь, на протяжении которой капитан маялся на кровати, подпрыгивая от стука собственного сердца.

Впрочем, из рук Анны Бердниковой он принял бы, наверное, даже яд, не только кофе. Но Анна, восхитившись полученным букетом, проводила капитана на кухню, где его уже поджидала огромная тарелка жареной картошки и качественно прожаренный кусок мяса. Стейк был именно такой, как любил Зубов – прожарки «медиум», сочный, аппетитный, при одном взгляде на который начиналось невольное слюноотделение.

– Я решила, вы весь день ничего не ели. Да вы и сказали, что голодны, – улыбнулась Анна, ставя тарелку перед Зубовым, пожиравшим кулинарные изыски помутившимся от вожделения взором. – А букет прекрасный, спасибо. Поверьте, я, как художник, могу это оценить.

– А вы художник? – промычал Зубов, не в силах оторваться от еды, так ему было вкусно. – Я думал, вы просто выставки курируете.

– Нет, я еще и пишу. – Она весело засмеялась. – Поверьте, я знаю, что талант мой очень скромный, но живопись дает мне две вещи: самореализацию творческого начала, которое, как мне кажется, есть в каждом человеке, и приличный довесок к зарплате. Мои работы, знаете ли, очень неплохо продаются, и я могу позволить себе то, что люблю больше всего на свете: путешествия и художественные альбомы с репродукциями картин моих любимых художников.

– А мне покажете ваши работы? – спросил Зубов. – Правда, я сразу предупреждаю: в искусстве практически ничего не смыслю и заранее прошу за это прощение.

– Немногие люди рискнут признать, что ничего не понимают в искусстве, – она рассмеялась. Легко, звонко, необидно. – Конечно, я буду рада показать вам свои работы. Студия у меня прямо здесь, в квартире. Небольшая, но мне хватает. В этом микрорайоне отличные квартиры свободной планировки, поэтому каждый может менять пространство «под себя». Вот это – кухня, – девушка обвела рукой просторную, светлую и со вкусом оформленную комнату, в которой было так

приятно есть, пить (даже кофе, черт бы его побрал!) и просто проводить время. – Она же и гостиная – я живу достаточно замкнуто, и гости бывают у меня нечасто. В самой большой комнате я сделала спальню с гардеробной. Одежда – моя слабость. А в маленькой комнате у меня мастерская. По проекту там огромное французское окно во всю стену, свет падает великолепно. Там я и творю.

– Пока не видел, как вы рисуете, но готовите вы великолепно! – Голодный Алексей успел подесть все до крошечки и с трудом сдерживался, чтобы не вылизать тарелку.

– Спасибо, – снова засмеялась Анна. – Наверное, это наследственное. Я, конечно, этого не помню, но папа всегда рассказывал, как хорошо готовила мама. Он поэтому и влюбился в нее.

– А почему вы этого не помните? – спросил Алексей и тут же прикусил язык, осознав бестактность своего вопроса.

– Моя мама умерла, когда мне было три года, – просто пояснила Анна. – Да вы не переживайте так, Алеша. Я же маленькая была, мне это вспоминать не больно. Маму я даже не помню.

Алешей Зубова называла только мама, а для всех остальных он был Алексеем, Лешей, Лехой. Домашнее имя из уст этой молодой и ослепительно красивой женщины звучало ласково и очень по-доброму. Зубову вдруг остро захотелось, чтобы она повторила снова: «Алеша». Но Анна лишь молча забрала пустую тарелку и поставила перед ним огромную пузатую кружку огненно-горячего чая. От кружки поднимался густой имбирный дух, и плавало ярко-желтое лимонное солнышко. Зубов отхлебнул и блаженно зажмурился.

– Почему-то я решила обойтись без кофе. Мне кажется, это не ваш напиток, – услышал он голос Анны и открыл глаза. Девушка стояла, опершись спиной о холодильник, и держала в руках такую же кружку.

– Кофе я не люблю, – признался Зубов.

– А я – кофеман с огромным стажем, но по вечерам люблю пить чай, – сказала она. – Ну, пойдете посмотреть студию и мои картины?

С ней он бы пошел куда угодно. В несколько глотков допив чай – оставить божественный имбирно-лимонный нектар недопитым Алексею показалось преступлением, – он послушно встал. Анна протянула ему руку, с готовностью принятую, и, как маленького, повела за собой по длинному, показавшемуся капитану нескончаемым, коридору.

Дверь в спальню была приоткрыта, и Зубов увидел огромную кровать, застеленную элегантным покрывалом. При виде кровати его неожиданно кинуло в сильный жар и на шее, под волосами, выступили капельки пота. Кровать вызвала у Зубова совершенно неприличные ассоциации, причем настолько яркие и образные, что от мыслей обо всех тех невероятных вещах, которые он бы сотворил с идущей впереди женщиной, Зубову сразу стали тесны брюки.

Теперь он точно чувствовал себя как школьник, который подглядывал за первой школьной красавицей и был застигнут на месте преступления. Жар залил щеки и лоб. Зубов мучительно понял, что краснеет, чего с ним не бывало никогда в жизни. К его непередаваемому облегчению, свет в коридоре отчего-то не горел, и Анна не замечала этих терзаний, удачно скрытых полумраком.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала она, входя в комнату и щелкая выключателем.

Девушка отпустила руку, и Зубов смог перевести дыхание, как висельник, получивший небольшую отсрочку. Сделав вид, что разглядывает развешенные по стенам картины, он воспользовался возможностью и повернулся к Анне спиной, чтобы не выдать масштаба постигшего его бедствия.

Картины были... красивые. Анна рисовала фрукты. В основном гранаты. Они выглядели как живые, как настоящие: сочные, крепкие, свежие, казалось, только-только снятые с дерева. Жизнь веяло от всех работ, так и хотелось протянуть руку, взять спелый плод, разломить, высыпать в ладонь горсть зерен и отправить их в рот, чтобы сладко-кислый сок брызнул из-под зубов, потек по подбородку. Образ, возникший в мозгу, казался абсолютно реальным и осязаемым. Зубову даже показалось, что в комнате запахло гранатовым соком.

– Нравится? – Анна подошла, встала рядом, положила тонкие изящные пальцы ему на предплечье, пониже закатанного рукава джемпера. По коже будто прошел разряд электрического тока. Зубов дернулся.

– Очень нравится, – хрипло прошептал он, не в силах больше сдерживаться. Притянул девушку к себе, прижал, обхватил руками и стиснул ее грудь, судорожно вздымающуюся под тонкой, очень элегантной шелковой блузкой.

Эта блузка была глубокого зеленого цвета, который, впрочем, шел ей так же, как утренний яркий красный. Ей вообще шли все яркие оттенки, подчеркивающие темные глаза и почти черные волосы. Ощувив его грубые пальцы на своей груди, Анна чуть слышно ахнула, поерзала, словно устраиваясь поудобнее в его крепких объятиях, накрыла его руки своими ладонями, прижимая сильнее, и сказала с глубоким стоном:

– Боже мой! Я с утра этого ждала.

Чего именно она ждала и почему с утра, Зубов не понял. Не при виде же висящего под потолком трупа незнакомый полицейский капитан вызвал у нее такое желание, но думать особо не стал, да и некогда ему было думать. Огненный вихрь промчался по венам и достиг мозга, отключая мыслительные способности напрочь. Он, чертыхаясь про себя, все же справился с маленькими юркими пуговками на ее блузке, затем ловкие умелые пальцы проникли под одежду, коснулись нежной, как будто тоже шелковой кожи, нащупали кружево лифчика и дерзко проникли под него.

Анна застонала, сделала неуловимое движение, прижавшись к Алексею всем своим хрупким, очень ладным телом, снова поерзала, будто лаская хрупкой попкой его измучившееся под наплывом чувств естество. Теперь застонал Алексей, понимая, что сейчас не существует в мире силы, которая могла бы его остановить, подхватил ее на руки и зашагал по коридору в сторону спальни, за дверью которой пряталась невообразимая кровать, поразившая его воображение несколькими минутами ранее.

– Да! – шептала Анна, свернувшись калачиком у него в руках. – Да – да – да – да!

Когда Зубов то ли проснулся, то ли очнулся, часы показывали два. Он скосил глаза – рядом мирно посапывала Анна. Ее коротко стриженная голова покоилась на соседней подушке, и во сне она была похожа на беззащитного и словно кем-то обиженного ребенка. Нижняя губка у нее чуть оттопырилась, как бывает у детей в момент сильной обиды, и Зубову вдруг стало любопытно, кто или что могли ее обидеть.

В тот же момент ему стало нестерпимо стыдно. Утром лежащая рядом с ним женщина перенесла сильное потрясение. Именно она первой увидела вывешенный в галерее труп хозяина галереи, оказавшийся частью жуткой инсталляции. Она не упала в обморок, не устроила истерику. Она была спокойна и собрана, четко и толково отвечала на вопросы, поддерживала Ольгу Бабурскую в ее горе и даже отвезла хозяйку галереи домой. В том огне, в котором она так безудержно сгорала пару часов назад, была частица этого пережитого потрясения. Желание и готовность забыться, перестать думать о том ужасе, свидетелем которого она невольно стала.

От этой женщины исходил сильный внутренний свет. Она была как ангел, явившийся на землю. И картины ее были такими же: светлыми, ясными, радостными, полными жизни. Алексею вдруг захотелось увидеть их еще раз, посмотреть, уже не отвлекаясь на испытываемый им внутренний жар и связанную с этим неловкость.

Еще раз покосившись на спящую рядом женщину, он вылез из-под одеяла, спустил босые ноги на прохладный пол и тихонько, стараясь не разбудить Анну, вышел из комнаты. На ходу приглаживая взлохмаченные то ли со сна, то ли в любовной игре волосы, дошел до мастерской, щелкнул выключателем.

Яркий свет снова залил комнату, озаряя огненно-красное гранатовое изобилие. Зубов медленно пошел вдоль одной из стен, останавливаясь перед каждой картиной, будто пробуя ее на вкус. Кроме гранатов, которые он уже успел оценить, здесь были лимоны, от явственно ощущаемой кислинки которых начинало ломить зубы, сладкие апельсины, пропитывавшие комнату ароматом душистого масла, сочные груши, наполненные летним солнцем, виноград сорта «Изабелла», такой настоящий, что Зубов немедленно почувствовал во рту его чуть вязкую сладость.

Анна Бердникова действительно была прекрасной художницей, и Зубова совсем не удивляло, что ее картины хорошо раскупаются. Ей-богу, они того стоили!

Он дошел до противоположной стены и увидел несколько картин, натянутых на подрамники, но еще не прошедших через багетную мастерскую. Зубову стало интересно, поэтому он протянул руку и повернул к себе первую картину. От увиденного кровь застыла у него в жилах.

Картина оказалась в высшей степени странной: из грязно-серого, почти черного пространства на него смотрели глаза. Больные, горящие исступлением глаза, в которых не было ничего человеческого, они словно прожигали в капитане Зубове большую дыру, края которой расползались все шире и шире. От холста веяло такой безысходной жутью, что Зубов почувствовал, как волосы у него на руках медленно поднимаются дыбом. Он даже не сразу смог облечь в слова свои впечатления от увиденного.

Алексей взялся за вторую картину и снова отпрянул. На этом полотне были изображены огромные тараканы, нарисованные с таким вниманием к деталям, что омерзительные твари казались совершенно живыми. Зубов даже отшатнулся, словно испугался копошащихся в пространстве картины гнусных насекомых.

– Что ты здесь делаешь?

Алексей невольно подскочил от неожиданности и выпустил из рук подрамники. В дверях, щурясь от яркого света, стояла Анна, обнаженная и прекрасная.

– Господи, ты меня напугала. – Зубов вытер выступившую на лбу испарину. – Да вот, проснулся ночью и решил завершить экскурсию. Извини, что без разрешения.

– Ну, вообще бродить ночью по чужой квартире и влезать туда, куда не просят, – вполне типичное поведение для мента, – с ангельской улыбкой сказала Анна, а Зубова покорило слово «мент», в ее нежных устах прозвучавшее как-то особенно оскорбительно. – Но я, пожалуй, не обижусь. Особенно если ты обещаешь сейчас же вернуться в постель и повторить все те штуки, которые выделывал со мной вечером.

Звучащее в ее хриловатом голосе желание вперемешку со злостью (а она, похоже, действительно сердилась) раздражило капитана почище любого афродизиака. Эта женщина действовала на него совершенно невообразимым образом.

– Все, что ты захочешь! Обещаю! – ответил Зубов и протянул руки к ее ослепительно прекрасному нагому телу без единого изъяна. Но все же не удержался и спросил: – Ань, а вот те картины... В углу... Это тоже ты рисовала?

Вместо ответа Анна поцеловала Зубова с такой страстью, что их зубы стукнулись друг о друга. Он снова подхватил ее на руки, тут же забыв про какие-то там картины. Не было сейчас на земле ничего более важного, чем тело этой женщины, которым он мог и должен был срочно овладеть.

- Что? - прошептала она, сворачиваясь клубком у него в руках и легонько куснув его за грудь. - Картины? Нет, это не мои. Это моей сестры. Евы.

* * *

Ночью ей снова приснился кошмарный сон. Кошмар - всегда один и тот же - преследовал ее с детства: длинный, постоянно сужающийся коридор, по которому нужно было бежать, спасаясь от неведомой опасности. За спиной оставалось что-то, не имеющее названия, но очень страшное, впереди же ждала темнота и полная неизвестность.

Спотыкаясь, Липа брела по этому коридору, падала и поднималась, в ужасе чувствуя, как начинает задевать плечами стены, как становится все уже проход, понижается потолок, из-за чего приходится все ниже и ниже наклонять голову. Она чувствовала, как из носа у нее течет кровь, а из глаз слезы, но не останавливалась ни на мгновение, понимая, что иначе погибнет.

От чего именно она бежала, какая неведомая опасность гнала ее вперед, Липа не знала. Выматывающий ночной кошмар был ее проклятием, иногда исчезающим на время, а потом снова возобновляющимся с неочевидной периодичностью. Только однажды он оставил ее больше, чем на год, и она почти уже поверила, что навсегда избавилась от всеобъемлющего ужаса, от которого просыпалась в холодном поту, в насквозь промокшей футболке, но морок вернулся, и она сдалась на его милость, смирилась с тем, что останется в его липком плену навсегда.

В этот раз мрачный коридор в ее сне сузился больше обычного. Липа вынуждена была встать на четвереньки и ползти по грязному шершавому полу, стирая колени в кровь, но она все равно задевала головой неумолимо приближающийся потолок. С потолка сыпалось нечто, сначала ошибочно принятое Липой за простой мусор, но потом она с ужасом поняла - это пауки. Огромные жирные пауки с мохнатыми лапами. Они ползли по затылку, больно цеплялись за волосы,

забирались за шиворот. Липа пыталась стряхнуть мерзких тварей, но пространства даже для такого простого маневра не хватало, а пауков становилось все больше и больше. Они пытались заползти в уши, в ноздри, в открытый в крике рот. Липа в ужасе понимала, что они уже пробрались под пижаму и вот-вот найдут новую лазейку, чтобы попасть внутрь ее организма. Она напряглась в бессмысленной попытке раздвинуть стены, закричала громко, отчаянно и проснулась, села в постели, тяжело дыша.

Огромная безразмерная футболка из секонд-хенда (Липа специально выискивала и покупала только такие – в них ей было удобнее всего спать) оказалась совершенно мокрой от пота. Хоть выжимай! Липа со школьных лет в любую погоду спала с открытым окном. В комнате и сейчас было холодно, она тут же начала замерзать. Дрожа от озноба, решительно откинула одеяло и спустила ноги с кровати. Нужно сходить в туалет, принять горячий душ и переодеться. Только так удастся избежать простуды, а заодно и успокоиться.

В коридоре послышался ровный, негромкий стук палки. Так! Ее крик разбудил маму, которая поспешила на помощь дочери, как делала всегда. Правда, слово «поспешила» теперь не вполне уместно. Нащупав тапочки, Липа выскочила в коридор.

– Мамочка! Зачем ты встала? – Она нежно обняла мать, довела ее до комнаты, помогла лечь и поудобнее устроиться на кровати, на специально купленном матрасе для лежачих больных.

Конечно, в последнее время Мария Ивановна Бердникова уже не проводила целый день в постели, да и вообще чувствовала себя гораздо лучше, но вскакивать посреди ночи от дочкиных криков, вызванных очередным кошмаром, ей было ни к чему.

– Опять страшный сон? – спросила мама, когда Олимпиада подоткнула одеяло со всех сторон. – Ничего, Липушка, это пройдет. Всегда проходит и в этот раз тоже. Снилось все то же?

– Да. – Содержание Липиных снов Мария Ивановна знала прекрасно, поэтому рассказывать не имело смысла.

– Ты дрожишь, – заметила Мария Ивановна и погладила дочь по голове. – Беги в душ, а то простынешь. И... Липушка! Один сон ничего не меняет, ты же понимаешь.

– Конечно! Не переживай, мамочка. – Липа поцеловала маму, вечную свою спасительницу от всех детских, да и взрослых тоже, страхов в теплую, мягкую щеку. Такую любимую, такую родную. – У меня все хорошо. Не волнуйся и спи. Хорошо?

Она выскользнула из комнаты, на пороге обернулась тихонько – просто убедиться, что у мамы все в порядке, и кинулась в ванную. Пустила горячую, очень горячую воду, какую только могла вытерпеть, постояла под колючими струями, щиплющими кожу почище несуществующих пауков из ее сна, но, в отличие от тех, совсем не страшных. Ей нужно было подумать, а ничто не освобождало разум лучше, чем горячая вода.

Случилось страшное. В этом Липа была уверена. То страшное, к чему она была подсознательно готова все эти годы, но мысли о чем гнала прочь, тщетно уговаривая себя: мол, все хорошо, а остальное ей только кажется. Нет, ей не казалось. Олимпиаде Сергеевне Бердниковой – профессиональному психиатру с многолетним опытом работы, не могло привидеться безумие. Врачу вообще не может ничего казаться, он лишь видит и оценивает симптомы, из которых складывается клиническая картина, а затем диагностирует заболевание. Картину Липа видела, а что с ней делать, не знала.

– «Medice, cura te ipsum», – пробормотала она любимое латинское изречение. – Врач, исцелись сам. Господи, что же мне со всем этим делать?

Еще год назад Липа посоветовалась бы с мамой. Мария Ивановна тоже была врачом. Правда, не психиатром, а педиатром, детским доктором. Через ее руки прошла добрая половина жителей их города. А если и не половина, то четверть точно. Мама всегда была самым лучшим Липиным советчиком, самым верным другом, самым надежным союзником. Но сейчас она не поможет. Маму больше нельзя беспокоить, теперь о ней можно только беспокоиться.

Стас? На мгновение искушение обо всем рассказать Крушельницкому, переложить груз ответственности на чужие плечи, заставить вместо себя принять решение стало таким сильным, что Липа даже зажмурилась. Нет,

нельзя. Он – чужой человек, которого нельзя обременять своими проблемами. Да и вообще, каким бы хорошим он ни был, он мужчина, а значит, ждать чего-то стоящего от него не приходится.

Ответ нашелся сам собой и был таким простым, что Липа даже засмеялась. Ну, конечно! Кроме мамы, есть только один человек, которому она могла все рассказать. Не боясь, не стесняясь и не переживая за последствия. Ее старый учитель – профессор Лагранж. Решено, завтра, а точнее уже сегодня, она обязательно съездит к старику в гости и посоветуется, расскажет обо всем, что сейчас волнует ее больше всего. К счастью, сегодня суббота, а значит, их встрече не помешают служебные дела. Липины служебные дела, разумеется.

Как всегда, когда решение уже принято и муки выбора остались позади, настроение у Липы резко улучшилось. Согревшись под горячим душем, она растерлась махровым полотенцем, вытащила из стоящего в ванной комнате шкафчика чистую футболку, натянула через голову и тихонько прокралась в свою комнату, стараясь не потревожить мать. По дороге заглянула в ее комнату и улыбнулась довольно: мама уже спала.

Что ж, нужно последовать ее примеру. Профессор Лагранж обязательно что-нибудь придумает, отгонит злобных чудищ, поселившихся в Липиной голове, успокоит и утешит, как он умеет. А значит, беспокоиться не о чем. Липа забралась под одеяло, перевернула другой стороной влажную после ночного кошмара подушку, укуталась в одеяло и закрыла глаза. Через мгновение она уже крепко спала, и никакие сновидения ее больше не тревожили.

В субботу, как следует выспавшись и переделав все домашние дела, она действительно отправилась к Лагранжу. Старый профессор обрадовался и ей, и купленному по дороге вафельному тортнику. Засуетился, помогая Липе снять шубку, бросился на кухню ставить чайник и оттуда начал сокрушаться, что забыл предложить гостье тапочки.

– Франц Яковлевич, я сама возьму! – прокричала в ответ Липа. Обдернула свитер, провела рукой по волосам, сунула ноги в меховые тапочки, сиротливо ждавшие под вешалкой гостей, и пошла по длинному коридору в кухню. После стольких лет знакомства, в этой квартире она могла ориентироваться даже с закрытыми глазами.

– Как сыновья? Как внуки?

Старший сын профессора уже много лет жил с семьей в Америке, имел собственную лабораторию по биофизике в университете в Нью-Йорке, а его взрослые дети, получив там образование, стали настоящими американцами. Раз в год Дмитрий Лагранж прилетал в гости к отцу и каждый раз уговаривал старика переехать к нему, но тот отказывался наотрез.

– Здесь у меня Родина, наука, ученики и могила Машеньки, – отвечал Франц Яковлевич на все вопросы, когда родственники слишком уж активно начинали недоумевать, как это можно отвергать такое заманчивое предложение.

Впрочем, старый профессор отказывался переезжать и к младшему сыну, который руководил солидным банком и выстроил отличный коттедж для всей семьи в Подмосковье. Свою независимость Лагранж ценил больше всего на свете и только с год назад позволил сыновьям оплачивать приходящую домработницу.

Но даже домработница была не чужой – она много лет проработала в отделении судебной психиатрии медсестрой под началом Лагранжа. Недавно вышла на пенсию и теперь с удовольствием три раза в неделю мыла своему бывшему начальнику полы, приносила продукты и готовила еду. Лагранжа все любили, да и дополнительные к пенсии деньги были вовсе нелишними и доставались без особых трудов. Характером старик обладал золотым, хлопот не доставлял, а еще был великолепным рассказчиком.

– Сыновья и внуки штатно, – загудел Лагранж бархатным баритоном. Голос любимого учителя Липа узнала бы из тысячи. – Так, как и положено им по возрасту и жизненным предпочтениям. Все живы, все здоровы – это главное. И, предвосхищая твой следующий вопрос... у меня тоже все штатно и в полном соответствии с возрастом. Утром проснулся, оценил, где и с какой интенсивностью болит, порадовался – еще жив, а уж дальше, как получится.

– Новую статью дописали?

Профессор все еще занимался научной деятельностью, вот только глаза у него стали сдавать, и теперь он работал за компьютером не более получаса в день, из-за чего написание научных работ затягивалось, вводя старика в сильнейшее раздражение.

– Дописал, слава богу. И отредактировал даже. Два дня назад отправил в журнал. Прочитать хочешь?

– Конечно, хочу, – Липа засмеялась. – Вы же знаете мой главный принцип: хороший врач учится всю жизнь. А у кого мне еще учиться, как не у вас? На курсы повышения квалификации мы больше не ездим. А то, что сейчас у нас здесь организуют, так это не курсы, а профанация одна. И статью вашу, Франц Яковлевич, я прочитаю с удовольствием. Даже затаив дыхание. И если можно, то возьму распечатанный экземпляр еще и для Стаса.

– Конечно, можно. – Лагранж поставил перед Липой чашку с дымящимся чаем, подвинул вазочку с малиновым вареньем, ловко разрезал принесенный ею торт. Движения были четкими и уверенными, как у молодого. Липа невольно залюбовалась его руками. – А скажи-ка мне, душа моя: ты по-прежнему дурочку валяешь и не позволяешь Стасу доказать тебе, что ты достойна любви?

Внутри стало жарко. Очень жарко. Липе сначала даже показалось, что она сделала слишком большой глоток горячего чая и огненная жидкость сейчас прожигает нестерпимо лютым пламенем дорожку в пищеводе и желудке. Она судорожно вздохнула и закашлялась. Лагранж с доброй усмешкой смотрел на нее.

– Франц Яковлевич, – взмолилась Липа, не зная, куда ей деваться от его пронизательных, все понимающих глаз, – Франц Яковлевич, давайте не будем про это. Ладно? Мы со Стасом просто друзья, и меня это вполне устраивает.

– Тебя – да, его – нет. Но ты права, говорить про это действительно бесполезно, раз уж ты не готова пока слушать и слышать.

– Вы же все про меня знаете, – в голосе Липы прозвучали близкие слезы, и Лагранж успокаивающе похлопал ее по руке. – Меня нельзя любить. Я – моральный урод, душевный инвалид с полностью искореженной психикой. И я тоже не могу любить. Я обещала себе больше никогда никого не любить, и я держу это обещание. Потому что второй раз я просто не выдержу. Вы же знаете.

– Знаю. – Лагранж тяжело вздохнул и встал из-за стола. – Ты, душа моя, пожалуй, самый большой мой врачебный провал. Каждый раз после

проведенных сеансов мне кажется, что на этот раз я тебя излечил, но проходит время, и ты возвращаешься снова и снова. Почему? Отчего? Почему нанесенная тебе травма столь сильна? Я не знаю ответов, и это меня мучает. Я сам себе кажусь шарлатаном, – голос ученого звучал глухо.

– Какой же вы шарлатан, Франц Яковлевич, – Липа даже засмеялась от подобного самоуничижения. – Вы – прекрасный врач и просто самый мудрый человек на земле. Если бы не вы, меня бы, наверное, просто уже не было. Но я пришла поговорить не об этом. И уж точно не о Стасе.

– А о чем? Тебе становится хуже? – помолчав, спросил старый доктор. Вернулся за стол, сел напротив Липы, подпер свою крупную, очень красивую голову с длинными белоснежными волосами рукой и приготовился слушать.

– Я не знаю, – тихо ответила Липа. – Я давно ее не видела. Вы же понимаете... после всего случившегося мы не общаемся. Но мой внутренний камертон очень чутко настроен на то, что она делает. Как-то так вышло. И Борис... – голос дрогнул, но она все же договорила: – Борис тут ни при чем. Так всегда было. С самого детства. И сейчас я просто кожей чувствую: происходит что-то страшное. Этот ужас в галерее...

– Ты считаешь, Ева имеет к этому отношение?

Липа дернулась, как от удара. Так происходило всегда, когда она слышала это имя, лишившее ее надежд на личное счастье и сделавшее инвалидом маму. Впрочем, какая глупость, разве имя может быть в чем-то виновато.

– Я не знаю, – сказала она и вдруг заплакала. – Я не знаю, Франц Яковлевич. Правда. Но Анна работает именно в этой галерее. Анна отвечала за выставку. Мне кажется, это преступление... не случайно произошло именно там. И как это произошло...

Она замолчала.

– Ты считаешь, убийство совершил психически нестабильный человек, – кивнул Лагранж. – Что ж, я вынужден с тобой согласиться, хотя и не видел материалов дела. Лишь читал разные спекуляции в социальных сетях.

– Вы интересуетесь социальными сетями? – Липа недоверчиво воззрилась на своего старого учителя.

– А почему бы и нет, скажи на милость? – строго спросил он. – Я же не старый дурак, который не может освоить интернет?

– Нет, конечно, нет! – Она смутилась, но тут же успокоилась, потому что профессор Лагранж способен был отличить обидные слова от просто неловкой фразы. – Франц Яковлевич, мне кажется, очень важно иметь возможность получать информацию о расследовании не из интернета. Но тут без вас мне не справиться. Вы можете позвонить Лиле?

Лиля была второй любимой ученицей старого профессора. Правда, в отличие от Липы, училась она не в медицинской академии, а в университете на юридическом факультете. Лагранж читал там курс судебной психиатрии. Работала Лиля помощником начальника следственного управления. И хотя сейчас она сидела дома с маленьким ребенком, но связи свои наверняка сохранила и информацию добыть могла. Кроме того, новый муж Лили работал в полиции, а значит, информацию она могла черпать сразу из двух источников.

– Вертки из меня вьешь, – хмуро сказал Лагранж. – Ты же знаешь Лилю – из нее лишнего словечка не вытащишь, тем более в ущерб следствию. Ну ладно, ладно. – Он снова похлопал Липу по руке, заметив ее отчаяние. – Поговорю я с ней, обещаю. А может, ты просто на воду дуешь?

– Мне очень нужно знать о ходе расследования! Франц Яковлевич, миленький! – взмолилась Липа.

Липа чувствовала себя ужасно – будто вместо позвоночника в нее вогнали осиновый кол, и это было вернейшим признаком нервного перенапряжения. От ответа Лагранжа зависела вся Липина жизнь.

– Я же сказал, выясню! – повысил голос профессор. – Я хотя бы раз в жизни тебя обманул? А пока пей чай и ешь варенье. Я тебе сейчас расскажу, какую я новую книжку написал.

Помимо научных статей профессор Лагранж писал еще и художественные произведения. Короткие повести в разных жанрах: смешные воспоминания

детства, интересные истории из врачебной практики, психологические зарисовки – наблюдения за людьми и человеческой природой. Липин учитель был великолепным стилистом, умел придумывать занимательные сюжеты и обладал особым чутьем на детали. В общем, читались повести Лагранжа на одном дыхании.

Олимпиада Бердникова послушно отхлебнула уже изрядно остывший чай и приготовилась слушать. Цели своего визита она уже добилась – Лагранж пообещал ей помочь.

* * *

Зубов уже давно не чувствовал себя таким счастливым, как в последний месяц. Дни он проводил на работе, но мысли его уносились далеко-далеко, в уютную квартирку в элитном микрорайоне на окраине, куда он спешил после работы, чтобы увидеть Анну.

Их свидания, конечно, не могли быть ежедневными. Галерея «Красный угол» вернулась к привычному для сотрудников и посетителей режиму работы. Выставку Анна все-таки сумела открыть, пусть и чуть позже. Естественно, вернисаж пользовался ошеломительным успехом – благодаря мрачной ауре недавнего жуткого убийства. Впрочем, Анна и ее коллега Елена спокойно задерживались в галерее допоздна, ни на что не жалуясь. Несчастную Ольгу Бабурскую они старались не тревожить и возникающие каждодневные проблемы решали сами, но хозяйка все равно приезжала в галерею каждый день, уверяя, что на людях ей гораздо легче, чем в одиночестве.

Не мог свободно распоряжаться собственным временем и Зубов: то суточное дежурство выпадет, а если и нет, иногда к вечеру он не мог даже шевелиться от усталости и отправлялся не к Анне, а домой, чтобы свалиться в постель и просто выспаться. Но если работа позволяла, они встречались в каком-нибудь маленьком ресторанчике в центре, а потом ехали к Анне, где их ждала ее роскошная кровать. Иногда Зубов отправлялся к возлюбленной прямо с работы, и тогда Анна сама готовила ужин, незатейливый, но вкусный и сытный, и всегда именно те блюда, которые любил Алексей.

Он видел, что их ставшие регулярными свидания доставляют радость не только ему. Анна тоже была искренне рада его видеть, уже в прихожей обвивала шею

руками, целовала горячо, страстно. Иногда она была настроена нежно и тогда тащила Зубова на кухню – накормить, напоить чаем, выпросить, как прошел трудный день, обнять, прижав его голову к ложбинке между грудями. На этом месте нежность кончалась, потому что Зубов тут же вспыхивал, как порох, и не мог остановиться до тех пор, пока окончательно не сгорал в ее огне.

Иногда она накидывалась на него прямо в прихожей, у порога, как голодная дикая кошка. Срывала одежду, стонала, яростно предлагая себя всю, без остатка, прямо здесь и сейчас. Алексей с удовольствием включался в игру, осознавая, что такой страстной женщины у него до этого не было. И каждый раз возносил хвалу небесам за случай, пусть даже и такой печальный, соединивший их с Анной судьбы.

В последнее время она, правда, стала как-то спокойнее. Тихие, почти семейные вечера теперь случались у них гораздо чаще, чем полные страсти ночи. Алексей боялся, что новизна чувств прошла, и он потихоньку начинает надоедать Анне. Такой красивой, такой яркой, такой утонченной. Он знал, что не подходит ей, вторгается в созданное ею для себя одной жизненное пространство, нарушает гармонию. Знание это тяготило Алексея – он боялся, что наваждение пройдет, и Анна его бросит.

Ему казалось, что она послушно уступает его чувствам и желаниям, но пока он упивается ее созданным для любви телом, мыслями где-то далеко, не с ним, Зубовым. В последние два раза Анна и вовсе просила его не оставаться у нее на ночь, сославшись на желание выспаться. И Зубов, разочарованный и несчастный, чуть очумевший от занятий любовью, ехал домой, отчаянно страдая.

Господи, как же он боялся ее потерять! И как же он обрадовался вчера вечером, когда она опять напрыгнула на него с порога, обвила руками и ногами, припала к его губам, раздвигая их кончиком языка, заелозила, вызывая к жизни и активным действиям самую чувствительную часть зубовского тела. Его реакция не заставила долго ждать, и Алексей собрался уже отнести ее в спальню, даже не сняв куртки и ботинок, но она не дала ему сделать и шагу.

Они оба дрожали так, словно внутри их началось землетрясение. Анна скользнула вниз, увлекая Алексея за собой, и они упали на пол, прямо в прихожей, и как-то очень быстро оказались без одежды, а все случившееся дальше можно было оценить в десять баллов по шкале Рихтера, а может быть и в двенадцать. То есть окончательно выбрать между сильным землетрясением

регионального масштаба и катастрофическим, масштаба планетарного, Зубов никак не мог. Ибо для этого нужно было как минимум подумать, а мыслей в голове не было ни одной.

- Ты - потрясающая женщина! - отдышавшись, сказал он. - Аня, я тебя люблю!

Они лежали на полу на его куртке, и некий предмет, возможно ботинок, упирался Зубову в спину. Но ему было совершенно все равно.

- Мне тоже с тобой хорошо, - чуть лениво ответила она. После занятий любовью на Анну Бердникову всегда нападала истома.

Зубов не мог не заметить: она не сказала слова «люблю».

- У тебя же был кто-то? - спросил он, ругая себя последними словами, потому что не должен был спрашивать.

- Был, - так же лениво сказала она. - Гриша.

- Гриша - это кто? Муж?

- Нет, у меня никогда не было мужа. - Она рассмеялась, перевернулась на живот и игриво куснула Зубова в плечо. - У меня был любовник, его звали Григорий, и мы встречались примерно три года или около того.

- А почему перестали? - Зубов не мог остановиться, хотя и понимал ошибочность своих действий.

- Просто я перестала его хотеть, - спокойно ответила Анна. - Зачем встречаться с мужчиной, к которому не испытываешь плотского желания? Сначала он стал мне безразличен, а потом противен. Поэтому я его прогнала.

- А если я тебе тоже стану противен? - спросил Алексей, внутренне корчась от страха перед возможным ответом.

- Ну, значит, тебя я тоже прогоню. Раз пропадет основа наших взаимоотношений. - Она говорила совершенно серьезно, Зубов это видел. - Я по

характеру одиночка, у меня есть своя привычная жизнь, и мне никто не нужен. Поэтому рядом со мной удерживаются только те люди, которые соглашаются играть по моим правилам. Извини, наверное, тебе неприятно это слышать, но зато я поступаю честно. Сейчас мне с тобой очень хорошо, поэтому мы вместе. Но даже сейчас мне иногда нужно оставаться в одиночестве. Рисовать, читать, слушать музыку... Одиночество – питательная среда для творчества и саморазвития. Понимаешь?

Зубов понимал не очень.

– Неужели тебе никогда не хотелось иметь семью? Детей? – спросил он, страшась ее рассердить. Кто он такой, чтобы задавать ей настолько личные вопросы?

Впрочем, Анна, похоже, вовсе не сердилась.

– Нет, – она заправила за ухо непослушную прядь, – мне никогда не хотелось ни семьи, ни детей. Потому что я с детства знаю: семья и дети – это разрушающее человека зло.

Она снова куснула Алексея за плечо, затем наклонилась и проложила дорожку горячих поцелуев по его груди. Зубов тут же почувствовал желание, вспыхнувшее будто яркими неоновыми огоньками, а Анна хрипло спросила:

– Тебя это пугает?

Сейчас напугать Зубова могло только исчезновение пылкой любовницы, а потому он пробормотал «Нет!» и закрыл глаза, отдавшись на волю ее губ.

Он и сейчас, вспоминая все безумства минувшей ночи, которую ему милостиво было позволено провести в Аниной постели и там же встретить утро, невольно начинал глубоко дышать. Как же хороша была Анна, как же неутомима, как отзывчива. Нет, никогда-никогда не встречал он подобной женщины и ради обладания ею был готов на любые сделки с дьяволом. Не хочет она замуж? Так и ради бога. Еще месяц назад и сам Алексей вовсе не собирался жениться, а все намеки матери на желание понянчить внуков заставляли его внутренне содрогаться. Вот и славно! Значит, они и в этом «два сапога пара». Хорошо, просто отлично.

Хлопнула дверь кабинета, ворвался Серега Лавров. В прошлом они здорово не ладили. Это было тогда, когда Зубов подозревал Лаврова в причастности к серийным убийствам[3 - Подробнее - в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов»]. Время выдалось для Лаврова тяжелое: бросила жена, он начал пить, вылетел с работы, тусовался в частной охране, и жизнь его была бы совсем пропащей, если бы не помощник начальника следственного управления Лилия Ветлицкая. В той давней жизни Ветлицкую Зубов не любил тоже, но потом поумнел и во всем разобрался. Оказалось, классные ребята, Лилька и Серега.

- Чего сидим? Кого ждем? - спросил Лавров цитатой из какой-то забытой рекламы. - Убийство у нас, друг мой ситный.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Твоя примерная коварная жена».

2

Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

Подробнее - в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/madam-budet-v-krasnom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)